

Олег Громов

АТЛАС

ПРАЙМАЛІ

АТЛАС. ПРАЙМАЛІ

Олег Громов
ATLAS. Праймал. «Мифы
всегда преувеличивают,
но никогда не лгут»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34110018

ISBN 9785449091239

Аннотация

«ATLAS. Праймал» – первая книга новой саги о пути героя и души сквозь время и череду воплощений. Случайным ли образом? Артефакт, попавший в руки героя, запускает цепь событий, которые разворачиваются в недалеком будущем и бесконечно потерянном прошлом. Поиск ответов, потеря близких и встреча союзников, обретение врагов и новых шрамов. Путь этот не бывает легким. Герою предстоит вспомнить все, вспомнить свое истинное Я. А потом? А потом разобраться, какого черта теперь со всем этим делать? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ. САМОЕ ДОРОГОЕ	7
ЦЕПИ	7
СНИЗУ-ВВЕРХ	9
СВЕРХУ-ВНИЗ	38
НА ПАМЯТЬ	60
ATLAS. ПРАЙМАЛ	75
ПЯТНА	75
ХЕР ИЗ БУТЫЛКИ	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

**ATLAS. Праймал
«Мифы всегда
преувеличивают,
но никогда не лгут»**

Олег Громов

Дизайнер обложки Олег Громов

Редактор Олег Громов

© Олег Громов, 2019

© Олег Громов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-9123-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ATLAS

ПРАЙМАЛ

...и в усталых глазах его скорбь веков...

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, НА ОСНОВЕ
ВЫМЫШЛЕННЫХ СОБЫТИЙ

«Если спросят: «Была Атлантида?» —

Я отвечу уверенно: «Да!»

Пусть поверят историям этим.

Атлантида – ведь дело не в ней...

Разве сказки нужны только детям?

Сказки взрослым гораздо нужней»

1970

Александр Городницкий

ATLAS. Книга I. Праймал.

Кто из нас не пытался топить неудачи и горечь утраты

в море дешевого виски, тот пусть кинет в меня пустым стаканом и нальет еще.

События годичной давности, оставили шрамы на теле, душе и психике героя. Бегство из родного города и страны, не помогают ему смириться и забыть произошедшее. Мореман в прошлом, он меняет соленые воды океана на море алкоголя. Работает в баре со старым другом и периодически сам прикладывает к стакану. Навязчивые кошмары и преследующая героя бессонница в итоге приводят в кабинет психолога. Но и эти сеансы не помогают ему избавиться от призраков прошлого, которого не было. Однако череда неожиданных знакомств и круговорот интриг вокруг некоего артефакта, ставит перед Аланом неожиданное открытие – в его спящем сознании, его истинное Я, древний бог и XIII царь Атлантиды.

© Громов О. М., 2018

ПРОЛОГ. САМОЕ ДОРОГОЕ

ЦЕПИ

Говорят, при знакомстве женщины в первую очередь обращают внимание на руки и задницу мужчины. Если со вторым, я так думаю, у меня все в порядке, конечно, поди полазай по мачте, да побегай в штормовой аврал на посудине размером меньше каждой третьей волны. Ягодицы сами собой превратятся в два крепких пушечных ядра. Но вот руки. Нет, конечно, не как у моряка Полая, но огрубевшая кожа и пожеванные солью пальцы, по душе не каждой самолюбивой даме. Возможно, поэтому линии сердца на моих ладонях перечерканы, затянуты в порезанный морской канат. Впрочем, я уже достаточно давно не выходил в море и не работал в порту. Однако телефонных номеров обладательниц звучных женских имен в моем листе контактов не прибавлялось. Так что, не стоит винить во всем мировой океан и грубый маникюр Нептуна.

Умывшись холодом проточной воды, ощущаю, теперь уже хроническую шероховатость пальцев на лице. Только шерстяной свитер бороды игнорирует эти ручные напильники.

Знавал я одного моряка, увлекавшегося хиромантией. Я и сам почитывал на эту тему Аристотеля, буддийские тексты

и «Законы Ману» индусов, но относился к этой науке крайне скептически. Вот и этого, цыгана от моря всегда ставили в тупик переплетения моих путей сообщения на ладонях рук. «Тут лишь следы прошлого, и нет места будущему. Я не понимаю...» – вот, пожалуй, и все что он мог сказать.

Смотрю я на них и сейчас: на эти косички, петли, решетки, развилки вертикали линей и разрывы цепей, и понимаю, что все это полная хЕромантия. Я не верю, что все прошлое и будущее записано на руках. Прошлое – это всегда тюрьма случившегося, а будущее – это свобода, и там еще полно места для всего невозможного.

Лежащий на кровати телефон зазвенел, заставив меня покинуть ванную раньше, чем я рассчитывал. На экране смартфона высветился «Неизвестный номер», я листнул пальцем в зеленое лево.

– Все готово. – отозвался голос на том конце.

– Могу снять?

– Да.

Абонент отключился. Я снял с ноги браслет домашнего ареста. Будущее – это свобода.

СНИЗУ-ВВЕРХ

«В этом лесу растут бледные цветы, они убивают того, кто захочет их сорвать».

Андре Бретон «Магнитные поля»

Каждый шаг, каждый удар каблука, новеньких и потому еще немного скрипучих туфель, раздавался эхом по полупустой парковке. В этой подземной, бетонной конюшне хватало представителей, как и породистых марок, так и лошадей исключительно годящихся для гужевых повозок. Различные цвета карет, среди которых преобладали, конечно, нейтральные белые и серые оттенки. Среди звериных морд четырехколесных скакунов, я высматривал трезубец на черной решетке радиатора. Мне нужен был только породистый иссенья-черный жеребец. Нашел. Сверил номер. Да – он. Легкое касание сенсора и жеребец подмигивает фарами в ответ.

Я сел в машину. Нет. Я вошел в нее. В ее светло кожаный, мягкий, с панелями из черного дерева мир. Растворившись в комфортном сидении и проэрогировав на упругий хват руля, я позволил себе секунду насладиться моментом. Увы, но эта грациозная лошадка не моя. Мне стал интересен процесс финансирования спецслужб, раз в своем арсенале они располагают такими чудами машиностроения. Которые можно так вот просто передать в левые руки. Хоть и уполномоченные, обязанные и остававшиеся под внимательным

наблюдением руки.

В ящике, что под подлокотником, лежал шпионский набор. Все как в кино: мини наушник с микрофоном и цифровые смарт часы. Не густо. Я пошурудил по бардачку в поисках еще ну хотя бы лазерного меча, мини-бластера или антигравитационного кольца. Ну, хоть что ни будь еще. Нету. Извини Алан, но магазин игрушек на сегодня закрыт.

Только я запихал наушник в ухо, как раздался грохот тысячи боевых барабанов.

– Привет Алан. – прогремело на том конце.

– Эй! Как-то потише можно!?

– Извини, это всегда так, нужно откалибровать сигнал.

Так нормально?

– Да, годиться.

– Отлично. Итак, ты помнишь свою задачу? Не отвечай, я все равно еще раз подготовил короткий бриф, по дороге слушаешь. Как тебе колесница?

– Скажем, в том, чтобы задолжать правоохранительным органам есть свои плюсы.

– А не ерничай, мы оба знаем, почему мы все здесь сегодня собрались. Давай отложим этот разговор и будем надеяться, что все пройдет замечательно, ночь будет короткой, и мы еще успеем пропустить по пинте пива. Идет?

– Игорь, скажи мне честно, какой процент ваших операции заканчивается без сучка и задоринки?

– Алан, – короткая пауза и глубокий вдох, – у меня жена

на восьмом месяце. По пять раз на недели я хожу с ней к позитивным психологам и на эти чертовы йог-тусовки. И сейчас у...

– А так вот почему я никак не могу избавиться от образа, будто ты говоришь это сидя в позе лотоса на розовом коврике. И на тебе все эти штуки из фитнес-видео телемагазинов 80-х, типа вязаной повязки на лоб, бирюзового комбинезона и белых гольфов до колена с таким знаешь маленьким слоником на щиколотке.

– Алан, господи... – Игорь хрустел зубами.

– Ладно, ладно успокойся. Просто я пытаюсь собраться и быть готовым ко всему.

– А вот это правильно. Выезжай и двигайся пока к пункту на навигаторе. По пути я скину тебе точный адрес, как только получу подтверждение об объекте.

Я завел машину, но по тишине в салоне этого не сказать. Она скорее включилась, судя по загоревшимся на приборной панели огонькам. Неспеша, наслаждаясь плавностью руля и хода новенькой Мазерати, я спустился на два этажа вниз и выехал с парковки.

Все очарование белых ночей, которыми славиться этот город, сегодня заляпано чернилами космоса. Холодные вельветово-бирюзовые слоганы выбивались из переулков и падали в лужи с неоновых вывесок магазинов и кабаков. Горячий малиново-оранжевый свет фонарей, вдоль полотна проспектов и окон жилых многоэтажек, согревал прохожих. Со-

цветия огней на фасадах XIX века, превращали архитектурный ансамбль города в новогоднюю гирлянду. Хотя до самого Нового года еще больше трех месяцев и торжественной атмосферой здесь и не пахло. Сквернословящие нищие у метро, кучки гуляк в забитых барах. Парочки, пытающиеся согреться в кафе за горячим питьем в стаканах из цветного стекла. Обрывки рукотворного пространства – пустые площади. На центральных проспектах и бульварах снуют черные зонты, серые плащи, длинные шарфы.

Черный Мазерати плыл в бурлящей реке автомобильного потока, а брызги луж из-под колес, после частых в этих местах дождей и речные каналы Невы, питающие сердце города, не оставляли сомнений в принадлежности полотна дороги к водной стихии. Я проплыл мимо здания Эрмитажа, где велись восстановительные работы над Атлантами. Игнорирование города, неустойчивой конструкции и трещин на скульптурах, требующих усиления связей и перекрытий, плюс, толи от крупной аварии, толи от неудачного ограбления и взрыва, каменные руки не выдержали и рухнули вместе с небом. Самым целым и стойким из десяти, оказался тот самый Атлант, в которого попал снаряд еще во времена ленинградской блокады.

Питер. Мне нравился этот город. Но он меня и душил. Тут я родился, а после небольшого европейского, дикого забега и потери родителей, вернулся снова. Последние годы, я работал в порту, бороздя просторы северных морей и Атлантики.

Но по-прежнему хотел повидать и остальной мир. Пока он еще цел. Юга Африки и Азиатский восток, Северная и Южная Америки... знаю, там беспокойно, но где сейчас царит уют и гармония? Сейчас, в эру туристического терроризма, не лучшее время для курортных Гран-турне. И все же, единственная причина, что меня еще здесь держала – сестра.

Входящий вызов. Как раз от нее. Агата, моя младшая сестра. Я провел по сенсору часов.

– Ал, привет. Ты приедешь сегодня? И прежде, чем ты ответишь, хочу напомнить тебе, что ты обещал.

– Я постараюсь. Просто у меня еще одна встреча и как только я закончу, сразу к тебе. Во сколько там тебя нужно забрать? Во сколько начало?

– Алан, я уже здесь. Приезжай, тебе хоть иногда нужно выходить из тени на свет. Я хочу тебя познакомить с Филиппом, я говорила тебе про него. Он художник, собственно его выставка и есть часть основной программы вечера. Ему понравились мои картины. И он тоже жил в Париже.

– Думаю, мы жили в слишком разном Париже. Это ведь тот пижон с чудо рукой, ниспосланный к нам простым смертным, дабы просветить наши умы понятием красоты и глубины искусства? Авангард ультрасовременного искусства новой эпохи просвещения, будоражащий ваши потаенные желания и воображение...

– Не будь занудой.

– Ну что ты, я читаю, прям с проехавшей мимо рекламы.

На дисплее высветился адрес и тут же был проложен маршрут. Затормозив у перехода, я стал, вчитываясь в каждый символ названия пункта назначения, немного залип, пока раздраженные сигналы клаксонов не вернули мои глаза опять на дорогу, но уже снова загорелся красный. Сомнений не осталось, адрес, высланный Игорем совпал с тем, где ждала меня Агата.

– ... Это большой шаг, здесь будет открытие нового музея альтернативного искусства и цифровой реальности. Тебе нужно увидеть это самому. – Агата тем временем, что-то говорила, но я ее не слышал, – Алан. Алан ты меня слушаешь вообще?

– Да. Эй, я приеду. Займи мне там место, хорошо?

– Господи Ал, тут нет мест – это выставка.

– Ну что? Он приедет? – спросила Агату подруга.

– Не знаю, надеюсь. – Агата убрала телефон в сумочку.

Двери лифта открылись. И две подруги пошли прямо по коридору вестибюля, в конце которого стоял швейцар. Обменявшись приветствиями, он провел их взглядом до входа в атриум.

Как только они вошли в зал, тут же подле них оказался официант, на подносе которого красовалось несколько бокалов игристого. Агата и Соня с легкой улыбкой благодарности

взяли по бокалу.

Зал, был залит ярким светом, который казалось, шел отовсюду. Каждый предмет интерьера подсвечен чистым, белым цветом, либо сам был причудливым светильником. Теней нет совсем, мерцания и блики от колец и ожерелий не оставляли им ни шанса. Блеск украшения тут своего рода оберег, от возможно неудачной фотографии. Атриум был огромен. В его центре был не слишком большой, но трехэтажный фонтан с бирюзовой водой. Сверху он был увенчан скульптурами ангелов, играющих на флейтах и скрипках, а внизу танцующими под руку бесов и людей. По некоторым стенам от самого потолка спускались зеленые ковры плетеных цветов. Журчание фонтана и такие же переливы разговоров и светских сплетен сопровождалась едва уловимой мелодией скрипки. Аромат невозмутимой торжественности. Звон фузеров. Напыщенность атмосферы больше походила на Европейские баллы XVIII века, хоть наряды посетителей были куда сдержанней. Люди свободно перетекали по залу из одной группы общения в другую, на пути перехватывая по канаве с подносов изобилия.

Соня с Агатой не слишком выделялись, но одеты были куда скромней остальных персон. Словно инь и ян: Соня была в приталенном белом, ниже колен платье, а Агата в коротком и свободном черном. Опытный взгляд какого-нибудь кутюрье сразу определил бы, что эти барышни одеты примерно на десять тысяч евро скромней остального общества.

Кстати, вон наверняка и есть тот какой-нибудь кутюрье – один сухощавый старичок, во фраке и с аккуратно уложенной белоснежной бородкой немного поморщившись, бросил на них не задержавшийся взгляд. Но девушек вряд ли заботило мнение тысячи окружающих глаз присутствующих. Их ждали в VIP-зале.

Соня вела Агату за собой и попутно представляла ее мелькающим знакомым персонам.

– Я не так дальновиден, как вы. Смеяться и забавляться – вот идеал людей нашего века, не так ли? – Агата уцепила обрывок какого-то разговора.

Особо не задерживаясь на взаимных любезностях, они поднялись по лестнице на третий этаж. Именно здесь, в одном из залов и проходила сама выставка. Быстро пройдя очередное препятствие в виде проходной где, сверившись со списками высокий и *без эмоциональный* костюм, пропустил их в просторное помещение. Оно было действительно просторным. Площадь в половину футбольного поля и еще немногим длиннее. Навскидку семиметровые, квадратные колонны упирались в потолок. Ровным строем между ними располагались различные экспонаты, инсталляции и динамические скульптуры, а по периметру всего зала, на стенах висели картины. На большинстве из них были едва уловимые очертания рисунков. Ни чего захватывающего на первый взгляд. Шум из атриума сюда почти не доходил. До начала выставки оставалось совсем немного времени, но пока

здесь еще никого не было. Почти.

Примерно в центре зала стояли две фигуры, одна из них показывала на одну из картин. Если Соня шла уверенно прямо, то Агата немного отступала, заглядываясь по сторонам. Хоть она уже и видела большую часть работ, ее интерес к этим живым полотнам не угасал.

Одна из фигур в центре зала заметила их приближение.

Я подъезжал к башне «Ригель». Вся она пульсировала сверху донизу цветомузыкой, сообщая, что именно здесь сегодня бьется сердце города и всей светской тусовки. Там за башней стояла еще одна, достроить ее собирались в следующем две тысячи тридцать первом году. Примерно на уровне 45-го этажа их соединял длинный переход.

При въезде на территорию голографическое табло сообщало, что нижние ярусы парковки заняты. Пришлось вернуться на отдельную парковку за зданием. Сколько же тут народу пришло сегодня выгулять свои брюлики?

Я оставил Мазерати прямо на крыше пятиэтажной парковки. Хотел взглянуть отсюда на новые районы. Новые блестящие районы.

Так незаметно тут строилась эта незримая стена. Стена, по одну сторону которой оставалось богатство старинных парадных и бедность тысячи оттенков серого, бетон-

ного человејника, а по другую иглы новорожденных небоскребов с их углепластиковой душой и вертикальными садами сплетенные биодинамическим бетоном. Здесь старинные дворцы, пики соборов, культурный центр и спальные районы. Там медицинские корпораций-протезирования, зеленые крыши и хрустальные офисы. Надеюсь, однажды они сплетутся в единую экосистему, но пока все что их соединяет это перетянутый нитями кабелей единый небосвод. Граница между старым миром и Новой Ингрией лежит прямо здесь. И на этой границе стоит пока самая высокая из здешних башен – бизнес комплекс «Ригель». А вон и ее гарнизон.

– Алан. – голос в голове.

– Да, я подхожу к охране на входе. Напомни, кого я ищущ?

– Мать твою! Алан, ты слушал брифф!?

– Нет, не было времени, отвлекся. Извини, просто скажи в двух словах.

– ... *«неразборчивая нервная речь»*...

– Игорь?

– ... в двух словах ему блин. Значит так, Филипп Рю Морель – часы слегка провебрировали, на дисплее появилось фотография. – В городе появился новый наркотик, и Морель скорее всего связан в схеме поставок. Он должен знать: что, от кого, кому и зачем. Твоя задача...

– Что за наркотик? – я перебил.

– Образцов нет, точнее они исчезают, распадаются через какое-то время после синтезирования, поэтому их взять

и исследовать еще не удалось. За ним закрепилось название «Джинн». С момента, которого нам удалось зафиксировать его появление, он уже унес более тридцати душ. Твоя идеальная решенная задача – первое, доставить Филиппа живым, неважно в каком состоянии, но живым. Дежурная машина оперативников будет в районе соседней стройки. Второе, достать образцы ингредиентов.

– И где мне его искать? – я изучал фотографию.

– Собственно сама выставка «Танцы в пустоте», это его детище, и он главное лицо вечера. Теперь понимаешь всю деликатность ситуации? Попасть в сам комплекс не должно составить труда. Вход свободный, но естественно по дресс-коду. Надеюсь, одет ты прилично, иначе операцию можно сворачивать.

– Сделаю лифта-лук для тебя.

– Безумно смешно. Филипп должен быть, что естественно, на территории самой выставки или в вип-залах. Как попасть туда – уже твоя задача.

– Прекрасно.

– Помни, соблюдаем режим радио тишины.

Я зашел в фойе. Рай перфекциониста. Строгие колонны, прямые углы, ровные геометрические формы. Здесь тебе и музей, и отель, рестораны и спортивные комплексы. Говорят, некоторые пчелы-трудяги вообще не покидают этот улей. В командировку на переговоры, отправляя голограммы, а в отпуск выбирают в виртуальную реальность. У тех,

кто повыше естественно все наоборот. Сидят себе на белопесчаных пляжах, а их цифровые копии поправляют галстуки на очередных еженедельных совещаниях. Но эта корпоративная иерархия, как и внутреннее убранство меня мало трогало.

Я никак не мог сопоставить картинки в голове. Агата звала меня сюда еще несколько дней назад и с Филиппом уже была вроде знакома ранее. Нет, конечно, у нее широкий круг знакомых, но это потому что она никогда не умела их выбирать. Ему понравились ее картины? Пффф. Не знаю, насколько обматывание манекенов гирляндой проводки светильников и разобранных тостеров, можно считать искусством. Она никогда неумела плодотворно распоряжаться своей энергией, которой у нее без сомнения было с избытком. Скрипка, гимнастика, гитара, пение, немного карате. Танцы, психология, эзотерика, Таро, алкоголь, кислота... живопись. Ни что не увлекало ее слишком долго, но все-таки кроме танцев и искусства. Возможно вообще наводки на этого эпатажного француза ложные? И ни стоит переживать? Тогда вечер пройдет хоть и не с Игорем за кружкой пива (слава богу), а среди хорошей музыки и богемы, в компании Агаты. Может действительно стоило чаще выходить в люди из пыльных архивов древних рукописей и насквозь просоленной духом и запахом квартиры ворчливого старика. А если нет, стоит ли опасаться за Агату? Знаю, что постоять за себя она еще как может, но вот устоять перед запретным

плодом в очередной раз – не уверен. Ворох вопросов полностью занял мою голову.

Я решил действовать по ситуации. А раз так, стоило найти Агату. И как можно быстрее.

– А! Соня! Агата! Soirée bonne Mademoiselle! – с явным торжеством Филипп поцеловал кисти рук девушек.

С плеч Филиппа падал шарф, который переходил в расписное пальто и скрывал правую руку по локоть. В его жестком касании руки Агата не почувствовала тепла, совсем.

Филипп представил девушкам своего друга. И он так же не удержался от поцелуя рук двух молодых леди. Агата поправила волосы, с ее левого запястья чуть припав, золотой браслет обнажил спиралевидное родимое пятно.

– С минуты на минуту сюда пойдут посетители. Надеюсь, что вы, как и я не слишком любите эту суету. Поэтому, я предлагаю пока провести нашу беседу, в более комфортной обстановке. – Филипп уверенно владел иностранным, казалось бы, для себя языком.

Все четверо отправились в пентхаус, любезно предоставленный Филиппу на период выставки. Покидая выставочный зал, девушки сделали по последнему глотку и наконец, опустили свои бокалы на столик рядом. Они прошли по красному коридору к лифту, который должен доставить их прямо

к номеру.

Просторная, зеркальная кабина лифта, переливалась красно-малиновым цветом. Филипп молчал только когда спрашивал, о чем-то другого собеседника, а точнее своего слушателя. Всю дорогу он рассказывал истории, переходя с русской на французскую речь. И хотя не было сомнения в его французских корнях, что-то в нем еще выдавало и восточную кровь. Убранные в не слишком длинный хвост темные волосы, закрученные усы и выразительные скулы. Короткая, строго очерчивающая и без того узкий подбородок, борода, могла сойти за наконечник копья.

Покинув лифт, вся компания во главе с Филиппом оказалась на одном из последних этажей «Ригеля». Здесь было куда спокойней и безлюдней ярмарки тщеславия царившей в атриуме десятками этажей ниже. Стены из дерева спокойных тонов. В стеклянных лабиринтах, вмонтированных прямо в стены, плавали рыбы разных форм, цветов и размеров. Акул, к счастью или сожалению не было. Некоторые панели стен и потолка обвивались зеленью. Вентиляцией культивировался запах леса. Откуда-то раздавался смех, но он вряд ли сравним с хихиканьем феи.

В номере, развлекаясь с коктейлями, их уже ожидала еще пара девушек и парней. Кого-то из них Агата знала лично, кого-то заочно. Филипп взял на себя ответственность представить всех друг другу. Другой взял обязанности бармена – следить за тем, чтобы у всех было налито по шампанскому

или коктейлю. Еще один раскуривал кальян. Немного хрустящая электромузыка создавала непринужденный фон.

Последние бульварные новости, выпуск нового нейроримпланта, стоимость небольшой 5-ти комнатной квартиры в новых районах, помятая в неловком ДТП машина, скачек рубля к юнитам на финансовом рынке, стоит ли заводить детей из пробирки и пересаживать мозг любимого, но мертвого песика другому милому и еще пока живому песику. Беседа подогревалась переключением с одной темы на другую. Никто и не пытался удержать нить повествования.

Немного отрешенный Филипп, что было крайне странно для него, принес тысячу извинений, удалился на телефонный разговор.

Через минуту, когда очередь дошла до обсуждения нетрадиционного сексуального общественного паритета, Агата отошла в уборную, но на самом деле ее привлек вид за панорамными во всю стену окнами.

Вид на Новую Ингрию. Район, царапающий вечно пасмурное небо города. Виноградной лозой вокруг этих исполинов вились био-конструкции, вертикальные сады и струны транспортных узлов. Агата подошла слишком близко, и стеклянные двери распахнулись, впустив поток легкого ветра и свежего воздуха внутрь. Она вышла на веранду, навстречу бесконечным огням ночи.

Тут наверху башни «Ригель», в ночном небе еще можно разглядеть редкие звезды, снизу практически никогда.

Городским жителям настолько уже не хватало витамина З-звезд, что очередной предприимчивый парень склепал «Звездные очки». Нет, их не носили звезды Голливуда, их не рекламировали телеведущие, за ними не скрывала побоев жена миллиардера в очередном скандальном интервью, и в них не щеголял герой новой трилогии «Звездных войн». Их линзы напрочь глушили весь электрический свет и всю неоновую завесу города, открывая панораму звездного неба. Забраться и улечься вдвоем на крыше какой-нибудь многоэтажки, отключиться от соцсетей, раздвинуть световой занавес, отдаться бездне. Молодое поколение романтиков, наконец, могло, хоть и отчасти, но именно подарить своим возлюбленным звезды. Те, кто не мог выбраться на побережье островов или даже элементарно на природу, да подальше от города – просто брали «Звездные очки». Ведь какая разница откуда смотреть, если видишь? Млечный путь везде одинаково чарующе настоящий.

Агата спустилась по нескольким ступенькам ниже. Перед ней был бассейн, а справа небольшая стойка мини бара. Сверху еще один этаж над верандой. Все пространство аккуратно вычерчено коричневым деревом, черным металлом и белым пластиком. Мягкий свет укладывался на частые декоративные зеленые насаждения. Плавные перетекающие цвета воды в бассейне с их гипнотическим эффектом погружали в некое медитативное состояние, позволяя проникнуться моментом атмосферы безмятежного уюта.

Она стояла у самой воды. У края бассейна, сложив руки на груди и держа бокал игристого. Каблуки черных закрытых туфель, сливались в одно целое с чулками выше колен, и добавляли ей несколько сантиметров к росту. Простое и элегантное черное платье, обнажало немного смуглые плечи. Их открытость, не менее выразительна, чем ее глаза темного цвета индиго. Черный локон от убранных в хвостик волос едва касался длинных ресниц. Чернично-черный камень с фиолетовыми прожилками и окаймленный золотом красовался в подвеске на ее тонкой шее.

Она всматривалась в далекие, желтые огни окон, за которыми в этот ночной час еще продолжался суетный день.

Агата поймала себя на мысли, что не хочет возвращаться к остальным, почему-то вдруг ей захотелось помолчать, а не обсуждать правомерность принудительного лечения от нетрадиционной сексуальной и наркотической зависимости очередной горе голливудской звезды. Она просто стояла здесь и наслаждалась свежим запахом кипариса.

Появившийся Филипп Рю Морель, быстро вывел ее из этого состояния внутреннего равновесия.

– Стоило мне отлучиться, как мой самый желанный гость одиноко брошен в холодные объятия ночи? – спускаясь со второго этажа веранды, произнес Филипп.

Она поддалась на провокацию.

– Просто кастрация домашнего кота в домашних условиях домашним роботом-помощником – не самая моя любимая

тема для беседы.

– Соглашусь, – Филипп на секунду посмотрел в зал сквозь стеклянные двери, – они люди далекие от искусства. Юристы, врачи, гонщики, модели, звезды инстаграма, путешественники и транжиры отцовских денег. То ли дело мы с тобой. Когда Соня уговорила меня взглянуть на какую-то местную девчонку... Прости, но я действительно не рассчитывал, что меня так поразят твои картины. Честно, они меня поразили. Вся серия «Человек в проводах». Увы, она не вписывалась в сегодняшнюю коллекцию. И я не сказал тебе ранее, но думаю, мы сделаем что-нибудь совместное в следующий раз.

Филипп отпил шампанского. Агата не сдержала улыбки. Раздался телефонный звонок.

– Это мой брат Алан. – как бы спрашивая разрешения на ответ и одновременно извиняясь за прерванную беседу, Агата отвечает на звонок.

Алан сообщил что приехал, спросил где она и куда ему идти. Улыбка Агаты стала еще чуть шире. Филипп попросил ее передать ему: «Пускай подойдет к любому охраннику и скажет 89—380, его проведут». Агата поблагодарила Филиппа, поцеловала Алана и завершила звонок, словами: «Мы тебя ждем».

– Ну что же, пока наш дорогой гость в пути, предлагаю вернуться к нашим беспечно оставленным друзьям, у меня есть идея, как обратить их в нашу веру и нашу культуру! –

иронизировав подытожил Филипп.

Из зазеркалья дверей веранды они вновь вошли в комнату, залитую ламповым светом. Все гости расположились в центре зала на большом диване и отдельных креслах. Кальян продолжал дымить, источая медовый аромат, который заполнял собой все помещение. Разговоры здесь не смолкали, только перебивались смехом, но с появлением Филиппа он забрал все внимание на себя. Как это делал всегда.

– Mesdames et messieurs! Хочу вам кое-что показать. Это нечто ценное для меня и этого нет в сегодняшней коллекции.

С этими словами Филипп подошел к стене, у которой стоял неприметный до этого момента квадратный объект. Он сдернул с него расписной ковер, обнажив завернутое в белую, плотную бумагу полотно размером два на два метра. В верхнем углу упаковки Филипп пробил двумя пальцами дыру и резким движением оторвал лоскут защитной бумаги. Затем еще один. И еще один. Филипп закидывал пол крупными огрызками бумаги, пока картина не предстала перед зачарованными взорами гостей. Закончив, Филипп довольный уставился на полотно. Только в этот момент можно было услышать тихий электронный лейтмотив вечера. Все молча смотрели на пустое полотнище картины. Но все же на ней можно было разглядеть крошечную красную точку прямо в центре белого квадрата.

– Вау! – разбавила тишину одна из девушек.

– Ты ее еще не закончил?

– Подождите, она еще не прогрузилась. – пытался кольнуть один из друзей.

– Мои картины не сны усыпляющие, а сны пробуждающие. – парировал Филипп – Мой близорукий друг! Скажи мне, чем отличается подлинное искусство от спекулирования на трендах?

– Это тебе критики завтра в своих рецензиях о твоих «Пустых танцах» выскажут. Или как там? «Танцы в пустоте»? – кто-то подсказал, – Точно. А я? Ты знаешь, я далек от этого ультрасовременного искусства, одно ультрее и современнее другого.

– Шокировать. – сказала Соня.

– В точку! – отреагировал Филипп. – В чем разница ремесленника и творца? Внешний облик объекта неважен, важно задевает ли оно тебя. Только подлинное искусство может коснуться тебя изнутри, дотянуться до твоих страхов и самых тонких чувств.

Агата вступила:

– Но мне кажется, человеку все же теперь не хватает материализма, запаха краски, движение кисти, текстуры картин. Энергии, что кроется в физическом контакте художника с живой плотью картины. Возможно, скоро все перевернется с головы на ноги. Сейчас уже столько всех этих цифровых аттракционов, что скоро это приведет к неминуемому их обесцениванию, как носителя искусства. А те, кто, не изменяя себе, следовал традиционным средствам, снова будут

на вершине.

– Не думал, что ты назовешь мою выставку лишь цифровыми аттракционами...

– Филипп, я говорю о большинстве экспонатов тех творцов, что ты привез. Но да, и некоторые работы из твоей коллекции я тоже бы к ним отнесла. Ты и сам, наверное, знаешь, что большинству на них глазеющих, там внизу, абсолютно плевать на смыслы. Им нужна просто животная эмоция.

– Да, я признаю, что для большей части это скорее поход в кинотеатр. Именно поэтому я нашел немного другой, обходной путь к их сердцу. Я хочу, чтобы они открылись. И я им лишь немного в этом помогаю.

Филипп взялся за перчатку, за кончики пальцев правой руки.

– О яви же нам, дабы мы узрели!

Филипп снял свою длинную белую перчатку. Да, все знали, что за ней скрыто. Не то чтобы аугментированной конечностью можно было кого-то сегодня удивить. Но Филипп никогда, практически никогда не демонстрировал свой инструмент. Рука была построенная особым образом, на заказ. Именно с помощью нее он возводил свои полотна, в которые могло провалиться сознание зрителя без каких-либо дополнительных средств и усилий с его стороны.

– Вот эта безделушка и сделала тебе имя! – ткнул в сторону Филиппа один из друзей.

– А ты уже пьян, Джим. Ты прекрасно знаешь, что первые

публикации, как и выставки, я делал благодаря углю и краскам. И немного ЛСД, каюсь. – немного сбавив повелительный тон усмешкой, Филипп продолжил. – Сотни, тысячи мастеров и каждый творит как вздумает! Карандаш, пиксели, гвозди, песок, краски, огонь... Да даже, простите, говном по стенам мажут, выдавая за тайный смысл. А мне просто нужен был новый уровень.

– Помниться мне, где-то писали, что ты сам отрубил себе по локоть руку в наркотическом приходе.

– Так и есть. Если считать анестезию наркотическим приходом и собственное соглашение на операцию. Одни писали, сошел с ума! Другие говорили, думаешь, это тебя как-то превознесет над Бернетом, Бэнкси, Артуром Муа, Дали? Они не понимают, что для меня это просто инструмент. И забывают, что все свое состояние и имя я сделал на традиционных работах. Но мне нужен был вызов, нужен новый горизонт. И я пошел на этот шаг ради искусства. Все эти инсталляции на злобу дня, что представлены в выставки, вызовы, работы моих коллег, карикатуры и политиканство. Все что бы привлечь больше людей. Но только обратившись к моим картинам, вы сможете взглянуть на себя, на всю иллюзорность происходящего. Каждый увидит кадры своей реальности, и ни один критик не сможет обесчестить то, что индивидуально для каждого. И именно сегодня я вывожу понимание картин, на новый уровень глубины. С помощью волшебства.

Филипп бросил перчатку на стол и удалился на кухню. Она была прямо здесь, в двух шагах. Оказавшись спиной к гостям, он продолжал:

– Строительство картины, а именно так я отныне называю процесс написания, сводится к трем вещам. Первая – это идея. Вторая – это уплотненный в материале код. Третья – зритель. Но я нашел еще один элемент. Тот, что устанавливает чувственную связь зрителя с картиной. Самая удобная подача на подобных светских вечерах и мероприятиях – это, правильно, шампанское! – левой рукой Филипп заправляет в отделы своего стального творческого инструмента, две колбы с густой жидкостью. Темно фиолетового и красного цвета. Механизмы перещелкиваются, из руки как из отпаривателя выбивают облака пара. Секунд пятнадцать на весь процесс и вот уже из слегка разжатого кулака в стеклянное блюдо падают одна за одной прозрачно темные сферы. Филипп возвращается и ставит на стол поднос с бокалами шампанского и блюде космических конфет. – Но это, чистая магия!

Филипп пододвинул одно из кресел во главу круга и поставил на него свою белоснежно чистую картину. Красная точка была немного выпуклой на неровно-волнистой поверхности полотна. Филипп взял одну сферу.

– В восточных легендах есть поверья о джиннах, духах, которые не воспринимает ни одно из пяти человеческих чувств. Но именно они устанавливаю связь между человеком и всевышним. Загадывайте желание друга, ибо только так

можно направить эту силу к источнику.

Филипп отправил стеклянное блюдо с темным драже по кругу. Все гости с интересом, а кто-то и с небольшим опасением, взяли по манящей сфере.

– Я приглашаю вас в свой мир! А по возвращению мы поговорим о том, что же черт возьми такое подлинное искусство!

В искажающем отражении «рыбьего глаза», отзеркаливалась вся панорама комнаты и всех действующих лиц. Агата пристально рассматривала кристальный космос, запертый в капсуле. Прозрачная с краю и абсолютно черная в своей сердцевине. Блестки красных, белых и вельветовых звезд разбавляли и одновременно тонули во тьме этой маленькой сферы. Наверно в какой-то момент большого взрыва наша вселенная была именно такой.

Добровольцы этого эксперимента, один за другим проглатывали окутанный слюной микрокосмос.

– Красота в глазах смотрящего.

«Звук затвора фотокамеры на смартфоне».

– Как и обещал. – отправляю Игорю сообщение и свое фото в рост.

Черный классический костюм тройка, украшенный крупным, но легким геометрическим орнаментом. Зауженные

штаны, малиново-розовый галстук и платок того же оттенка в нагрудном кармане пиджака. Аккуратно подстриженная, короткая черная борода и слегка взъерошенная прическа. Еще раз бросаю взгляд на туфли и на свое отражение в зеркальном пространстве лифта.

– Годиться. – прокомментировал Игорь.

Двери лифта открылись. Чересчур улыбчивый швейцар. Атриум. От местной роскоши я бы наверно ахнул, будь я женой местного толстосума с мозгами в сиськах. Еще один улыбчивый поднес шампанское. Нет, не люблю, да и вроде как при исполнении. Вежливо отказался, но спросил где именно проходит выставка «Танцы в пустоте».

– Третий этаж, месье.

Звон фужеров и дорогих колье. Держу пари, что значительная часть сливок, не местные, даже не из Ингрии. Барселона? Лондон? Венеция? Париж? Не, не привез же Морель с собой всю Францию. Вон бледная как мел манекенщица, под ручку с пузатой лысиной такого же белесого цвета. А вон курица гриль, явно передержанная в солярии. А этот ровный загар, привезен, с каких ни будь Кариб. Его обладательницу я бы... гхм гхм, но только квадратное лицо ее кавалера смущает. Хруст канапе и шум винегрета языков и наречии, словно здесь проходит съезд дружбы народов. Губы некоторых мадам столь велики, что даже пригубить шампанского для них становится испытанием. А статные сэры вымачивают свой усы с прищуром дегустатора, пытаясь определить

уровень кислотности в этом бледно желтом, газированном напитке.

Достаточно быстро я проскользнул мимо забавного пляшущего фонтана и преодолел лестницу. Третий этаж. Да тут этих залов десятки. Народ плывет из одного в другой.

Я разглядел рекламную вывеску «Танцы в пустоте» и двинулся ей навстречу. По пути набираю Агату.

Вызов.

Хм, любезнейший Филипп предоставил мне прямой пропуск наверх. Что мы знаем? Он рядом с Агатой, ну или Агата рядом с ним. И где-то там, где они рядом друг с другом, вроде все спокойно.

– Мы ждем тебя. – сказала Агата и завершила вызов.

И они меня ждут. Хорошо.

Я подошел к большим открытым дверям, ведущим в выставочный зал. Сказал охране: «89—308». Тут же, словно материализовавшийся откуда-то из-за моей спины швейцар, вынырнул со словами: «Пройдемте за мной, месье», и проскочил в двери. Я за ним. Охрана только проводила нас взглядом.

Мы двигались прямо через зал в его противоположный конец. Оглядываясь по сторонам, я наблюдал за замороженными зрителями. Одни стояли истуканами, другие странно подергивались и посмеивались. Третьи вздрагивали от страха. Странная атмосфера. Едва уловимая музыка, в которой трудно было уловить, что именно за инструмент играет, про-

сто исстачаетса какай-то звук. Но мелодичный звук. Все пьют шампанское. Почти никто не разговаривает, в отличие от гостей в атриуме. Один мужчина водит глазами и руками перед картиной, словно ищет ту, регулярно исчезающую красную точку лазерной указки, которой обычно дразнят котов. Внезапно взрыв громкого смеха сотрясает женщину, стоявшую с закрытыми глазами перед черной картиной. Свет в зале периодически становился тусклее, это было заметно по одному побледневшему лицу. Бледность его была слишком явной, свет жёлтой кислоты в бокале высвечивал вены на его лбу. По-моему, он упал, подкосились ноги. Я заметил, как кто-то дернулся в его сторону, но мы с проводником уже скрылись в другом коридоре.

Мы прошли красным тоннелем к лифту. Я думал, точнее даже надеялся, что здесь он меня и бросит, но в лифт мы зашли вместе. Проводник нажал на кнопку «89». Неловкие 84 этажа пресного молчания и вот двери наконец открылись.

– Пожалуйста месье, ваш 89 этаж.

Приятный ламповый свет резко сменился полумраком флуоресцентного цвета. Зеркальная плоскость белого в прошлом полотна отражало смотрящих. Их взгляды провалились во фрактал зеркальной ямы их же взглядов. Красная отметина зияла прицелом на лбу каждого. Волнообразные дви-

жения окружающей реальности стали сминать пространство, уплотняя его, замедляя восприятие времени. Через замочную скважину подсознания просачивались все такие далекие детские переживания и личностные комплексы. Перед внутренним экраном проносился морфинг миллион лет эволюции, пульсирующий цвет, склеенный звуком моря, но не бушующего прилива, а звуком приставленной к уху ракушки. Да это не звук настоящего прилива, даже не его отголоски, как и эта трансляция цветопередачи в мозг лишь сублимация восприятия одного только пережитого момента. И вот цепь обрывается. Она осталась одна, в темноте. Бескрайние просторы этой бездны, сменяются мраком тесной комнаты. Накатывает чувство прелести смерти, неведения и беспомощности. Она нащупывает в темноте стену и очерчивает мысленно пространство, в котором находится. Это пространство вязкое. Некое внешнее трение побуждает ее докричаться до признаков жизни с другой стороны стены. Но желание крикнуть что либо, оборачивается спазмом горла и абсолютной тишиной. Она чувствует невесомость комнаты, ее легкость. Трение становится более интенсивным.

Трение, которое было где-то там, вдруг стало прямо здесь. Зудом выступив на обратной стороне глазного яблока. В расфокусированном взоре проявляется образ. В отражении зеркала, со спины, проглядывался темный силуэт с ореолом тускло зеленого света.

Полумрак комнаты. Несколько больших дисплеев. Темная фигура сидела неподвижно в кресле. Позади него стояла цилиндрической формы стеклянная цистерна. В ее густой ядовито-зеленой жидкости, свет от которой заливал всю комнату, бездвижно плавало мужское тело. Оно вдруг дернулось. Движение это больше походило на резкую судорогу, после которой его веки открылись, обнажив черные белки глаз.

Человек в кресле немного расслабившись откинулся на спинку. Где-то под креслом раздался скрип, он был чуть громче тихого гула генератора жизнеобеспечения.

– Наконец-то Виктор, наконец-то. – произнес человек.

На дисплее, с помехами, появилось сбивчивое изображение номера отеля «Ригель», пентхауса номер 308, Филиппа Рю Морель. Человек в кресле потянулся рукой и нажал на какую-то кнопку. Пошел исходящий сигнал.

СВЕРХУ-ВНИЗ

Коридоры больших отелей пусты, по углам тянется дым сигарет, ускользает через вентиляцию. Из звуков только шелест воды в стенах. Жители бетонных коробок в далеких отсюда спальных районов, по таким звукам перелива воды в батареях предвкушают сезон отопления. А здесь, в стеклянных стенах просто барахтаются рыбки на усладу постояльцам.

Оказавшись в широком коридоре больших дверей, я отсчитывал номера: 304, 306, 308. Вот. Абсолютная тишина.

Слева от двери, в водяной полости стен, я встретился взглядом с рыбой-попугаем.

– Я у номера, захожу. – декларировал в слух, не отрывая взгляда от рыбы.

Подумал, что стоит постучать, но просто толкнул дверь вперед. Не заперто. Открыв дверь, я выпустил в коридор легкий электронный рэйв игравший в номер 308. Я вошел внутрь и закрыл дверь. Закрыл, изнутри провернув ручку до щелчка. В дальнем конце номера, в общем, большом зале стояли мягкие диваны, на них кто-то сидел. Я двинулся в их сторону. В неоновой темноте, находясь у входа можно было разобрать лишь силуэты. В центре их полукруга стоял мольберт, так мне показалось. Впрочем, я не слишком

ошибся, это была картина на кресле. Пустая картина. Прямо за ней панорамный вид на ночные светильники железобетонного леса и выход на веранду с бассейном. Я двигался вдоль стены, нащупывая возможный переключатель освещения. Ага. Щелк. В комнату вернулся ламповый свет. Черт, картина меня не обрадовала.

Я подбежал к Агате. Она не отзывалась на мой голос. Я держал ее голову, всматриваясь в ее пустой взгляд. Дергал ее за плечи и кричал. Ноль реакции. Я обернулся назад, в сторону ее нейтрального взгляда. Белая картина, красная точка. На столе тлел кальян, бутылки из-под пива, недопитые коктейли, пустые и полупустые бокалы шампанского. Еще стоял поднос с блюдцем. В нем было несколько неких сферообразных таблеток. Судя по всему, таблеток. Перевел взгляд на других созерцателей пустоты. Все так же сидели неподвижно, но вдруг стали проявлять своеобразные признаки жизни. Одни стали подергиваться. Кто-то разразился смехом. Это очень было похоже на тех посетителей на выставке. Я загородил собой картину и снова посмотрел в глаза Агаты. Внезапно ее тоже стало лихорадить. С трудом обхватив ее руки по швам, я понес ее в туалет. Она кричала. Не сильно, не громко, прерывисто и порой пронзительно кричала. Я дотолкал ее силой к унитазу. Дальнейшая процедура вызова рвоты у другого человека не очень приятна. Но что поделать? У Агаты уже была зависимость и мне уже не раз приходилось спасать ее волосы. Так что, учитывая наш опыт –

все произошло быстро. Опустошив свой желудок от всего, что в него входило с самого утра, включая остатки этого вечера, Агата вроде успокоилась. С моего звонка прошло минут двадцать. Не знаю насколько эта дрянь успела проникнуть в кровь.

– Алан! Алан, господи, что у тебя там происходит? – нарушил радиомолчание Игорь.

– Непредвиденные обстоятельства.

– Ты в номере? Где Филипп? Ты там что в бассейне плаваешь? Что за хлюпанье?

У Агаты начались пустые позывы, холостые сокращения желудка. Вроде все. Я отпустил ее отвлекшись на Игоря.

– Филипп здесь. Как и моя сестра. Они все в каком-то замороженном состоянии. Я видел этих «джиннов» – маленькие сферы. – я умывал руки смотря в зеркало, как Агата сидит на полу.

– Что? Ты сказал сестра? В общем, Алан, Филипп и ингредиенты, помнишь?

– Алан что происходит? – Агата сидела на кафельном полу, поджав коленки и плакала. – С кем ты говоришь?

– Что происходит? – я не выдержал. – Какого черта ты жрешь всякую дрянь? Забыла всех своих прошлых друзей? Кто эти все люди там, такие же великие художники, как и ты!? Кто тебя привел сюда вообще?

– Я не знаю... Соня... Мы... Филипп. – Агата продолжала всхлипывать и сидеть на полу.

– Филипп, конечно! – Я повернулся, собираясь выйти из уборной.

– Да что ты знаешь? Кто все эти люди? Да! Это мои друзья! Извини, что они не никого не грабят, не просиживают вечера в засанных барах и не ходят по шлюхам.

– Алан! Не тяни резину, оставь ее, у тебя времени в обрез. – настаивал Игорь.

Я вытащил наушник и швырнул его в стену. Тот отскочил в ближайший унитаз.

– Целый год я выхаживал тебя, отпаивая чуть ли не с ложечки. Каждый день, выслушивая крики и убирая за тобой, – я поднял ее с пола и сквозь зубы говорил ей это прямо в глаза.

– Заглаживал свои же грешки? Оставив меня одну, пока сам играл в пирата в своем чертовом море! А потом в этой же грязной посудине и запер!

– Ни одну, а с Хлоей!

– Стервозной сукой! Что что братик, а выбирать женщин ты ни черта не умеешь!

– Хо-хо! А все твои *панковскорокерские* вписки? *Клубно-таблеточные* тусовщики? Мне все и всех вспоминать? Я думал, эта живопись тебя хоть чуточку поможет тебе реабилитироваться. И вроде все хорошо, а нет! Все туда же! Ты никогда не умела выбирать друзей! И всегда была одна!

Я сверлил ее мокрые глаза. К ее берегам подступал очередной прилив соленых вод и дамба из длинных ресниц, чую,

его не удержит.

Часы настойчиво вибрировали, заставив обратить на себя внимание: «Алан, у здания какой-то патруль, полицейские машины и вооруженное подразделение, это не наши, я пытаюсь разобраться с ситуацией, но они уже входят в здание» – Игорь приложил фото: вооруженные люди, черная униформа, маски. Патрульные машины и черные военные фургоны. Нет никаких аббревиатур, никаких опознавательных меток.

– Черт. Агата, пожалуйста, умойся и будь здесь. Я сейчас вернусь.

Она окрикнула меня в ответ, но дверь уже хлопнула. Я вышел в зал.

Остальные продолжали, подергиваясь сидеть на месте и издавать редкие звуки. Это были единственные признаки жизни, но по крайней мере они вроде живы. Я не видел Филиппа, но точно помнил, что он сидел здесь – слева от картины. Внезапно справа мне прилетело в челюсть. Удар тяжелый, со вкусом железа. Не успел я оправиться, как уже оказался в металлических клещах, поднят над землей и прижат к стене. Не думал, что у этого утонченного француза столько силенок. Он пристально смотрел на меня, но взгляд был словно не его. Радужная оболочка глаз, переливалась зелеными огнями.

– Как ты посмел нарушать мой акт творения? – с каждым словом он вбивал меня глубже в стену. Металлическое эхо, отдававшийся грубым тембром голоса, явно не подо-

дил к его худощавому лицу.

Я перебил его хватку ударом двух рук в районе локтя. Плечом в грудь оттолкнул от себя и добавил инерции ударом с ноги. Филипп перелетел через диван и рухнул на стеклянный стол. Секунду переведя дыхание от его тисков я подбежал к нему. Кальян, подносы, блюдце сфер, блюдце с фруктами, бутылки, бокалы все разлетелось по полу. Один из бокалов уцелел. В нем еще осталось немного выветрившегося шампанского. Я посмотрел на единственное еще знакомое лицо в этой компании. Девушка сидела полностью опустошенная, без движений и реакции на происходящее вокруг. По-моему, это была Соня. Я выплеснул шампанское прямо на нее. Ноль реакции. Филипп приходил в себя. Я треснул его еще раз и включил вызов Игоря на часах.

– Этот херов Алладин прямо передо мной. В его руке вижу два каких-то отдела, типа колб, в них остатки, капли какой-то жидкости. Но как их достать не знаю.

– Алан что происходит!? Боже Соня! – Агата вышла в зал с красными глазами и следами размытого макияжа. Она подбежала к Соне пытаясь привести ту в сознание.

– Алан забирай его и уноси оттуда ноги. Эти солдаты уже скорей всего на этаже.

Игорь переслал мне кадры с нескольких камер внутреннего наблюдения. Люди в смятении в атриуме и на этажах. Нет агрессии и паники, но солдаты заполняют здание.

Я отключил вызов. Посмотрел на Филиппа уютно рас-

положившегося на полу, возле дивана и коктейльной лужи из осколков стекла. Посмотрел на Агату, вытиравшую мокрое лицо и платье Сони, тщетно пытаясь достучаться хотя бы до каких-то признаков ее жизни.

– Нам надо уходить. Срочно. – сказал я Агате.

– Мы не можем...

– Можем. – я схватил ее за руку и повел быстрым шагом к выходу. – Оставь ее, мы не знаем, что с ними со всеми.

– Но нужно вызвать скорую. С кем ты говорил? Что за солдаты?

– Тише. – подойдя к двери и приоткрыв ее мы услышали топот шагов. Это была явно не горничная, даже не пять горничных. Топот берцев, интенсивный. Я закрыл дверь. До щелчка.

Мы развернулись и побежали в сторону веранды. Я не отпускал руку Агаты. Сейчас она и не сопротивлялась.

В пентхаус ворвался вооруженный отряд. Трое солдат, в чисто черной форме, с матово черными кевларовыми защитными вставками в своих доспехах. Шлем-маски с темными, круглыми и стеклянными линзами, полностью скрывали лицо. Еще один шел впереди них. Командир, если можно присвоить ему это звание, так как не у кого из них не было ни меток, ни шевронов, ни рангов. Прямой взгляд и такая же прямая осанка. Он не размахивал винтовкой по сторонам, как остальные. Шел целенаправленно и быстрым шагом. Он был без маски. Лысый череп. Вылитый Агент 47, разве что

с короткой щетиной. Из оружия только крупнокалиберный ствол в кобуре на поясе. На его толстой шее была какая-то толи металлическая вставка, толи трубка, вживленная прямо в плоть. От нее шел тонкий, стальной, ровный шов. Он вился по шее, подчеркивал скулы и уходил над правой бровью, тут и обрывался.

Он подошел к натюрморту «спящие на яву». Положил свою руку на плечо одного из спящих. Его глаза залились ярко синим светом. Медленно поворачивая голову, он словно сканировал помещение.

– Объекта здесь нет. Среди них нет. Ее нет.

Подошел к следующему и проделал тоже самое. Он будто забирался в их внутренности черепных коробок.

– Искать. Она не далеко. Держать здание. – лысый Командир раздал приказы и склонился над Филиппом.

Трое черных псов разбрелись по пентхаусу. Один направился в ближайшие комнаты, второй стал подниматься на второй этаж. Третий двинулся на веранду. Там нас уже не было.

Я наблюдал за происходящим, скрывшись за барной стойкой на веранде, пока Агата не сказала:

– Через второй этаж пентхауса мы можем выйти этажом выше в коридор. Если только ты не планируешь ждать тут, пока они не захотят искупаться в бассейне или выпить, и не выйдут на веранду.

Так мы и сделали. Через внешнюю лестницу поднялись

на балкон веранды, зашли на второй этаж, проскочили комнаты и вышли уже в коридор на 90-ом этаже, прежде чем сюда поднялся один из солдат. Выбежав в коридор, не останавливаясь, мы пробежали еще вдоль нескольких номеров. Нужен был план отступления. Мы пробежали у мутной стеклянной стены, оказываясь достаточно близко к стеклянным панелям, они прояснились, раскрывая вид ночного города. Напротив, стояла вторая недостроенная башня. Я спросил у Агаты, на каком этаже переход в соседнюю башню: «40-ой, по-моему, не знаю. Она же недостроенная?», – ответила она. Быстрым шагом мы двигались по коридору. Рыбы по-прежнему не обращали ни на что внимания. Было слышно только какие-то очень далекие звуки. Толи солдаты заходили еще в другие номера и может кого-то пытали. А может просто кто-то трахался. Вдруг на весь этаж, а судя по всему, и во всей башне, раздалась громкая связь: «Уважаемые гости, в здание возможно находиться бомба. Специалисты уже ведут поиск. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, гости отеля оставайтесь в своих номерах». Сообщение повторили на паре иностранных языков, а мы свернули за угол и оказались уже у лифтовой площадки. Там кто-то ходил. Размышлять было некогда, из-за угла падала держащая что-то в руках, растущая тень. Подойдя ближе, я толкнул Агату вперед. Стоило увидеть ее крайне удивленное, с размытым макияжем лицо.

Солдат вскинул винтовку, уверенно взяв Агату в прицел:

– Мадам, вам нельзя здесь находиться.

– Простите, я просто услышала о бомбе и подумала, что будет эвакуация. Видите, даже докраситься не успела. – Агата немного рассмеялась.

Солдат еще раз попросил ее пройти в свой номер и подошел ближе. Тут я вынырнул из-за угла, обрушив по шлему глухие удары. Трудно было достучаться. Из чего они мать их сделаны? Он не упал, пока я не вырвал винтовку из рук и не огрел его прикладом. С этим разобрались.

– Ты спятил что ли!?

– Не кричи. Все ведь получилось. Ты отлично отыграла.

– Что это за люди?

– Я не знаю.

– Нет, с кем ты разговариваешь?

– Надеюсь, что с друзьями.

– Это полиция.

– Полиция? – я снимал ремень с патронами с валявшегося солдата.

– Не делай из меня дуру. Во что ты ввязался опять?

– Я ввязался!?! – отбросив ремень я встал и снова в упор посмотрел на Агату. – Не начинай.

Я отбросил оружие, подумав, что скорей оно помешает.

– Смотри, видимо они не знают конкретно кого ищут. Выходить через главный вход слишком рискованно, мы понятия не имеем, сколько их там и что вообще твориться в атриуме. Разделимся. Я еду на этом лифте до 39-го, ты на том

на 41-ый. Встретимся на 40-ом.

– И где мы встретимся? Куда мы пойдём?

– Ну у нас единственный ориентир – недостроенный вход на мост. Перейдем в другую башню.

Мы разошлись по лифтам.

Агата нажала на кнопку 41 этажа и ужаснулась своему отражению в зеркале. У нее было секунд пятнадцать на то, чтобы привести себя в порядок. Поправить волосы, вытереть тушь, поправить уголки помады.

Агата вышла из лифта, оказавшись в офисных коридорах. Пройдя его, она прошла зал офисного лабиринта: отдельные прозрачные кабинки, некоторые с разным уровнем размытости, вплоть до такой, что невозможно было разобрать силуэты и что они делают там у себя в этот поздний час. В разгар рабочего дня, тут наверняка творится адская суэта, но сейчас в редких кабинках был тусклый свет. Кое-где раздавалось кликанье клавиш, некоторые люди спокойно перемещались по залу. Только один патруль из двух солдат, который Агата успешно обошла, пытался уговорить какого-то старого уса-того клерка. Сверкая черной залысиной, он кричал, что ему к завтрашнему утру нужно доделать отчет и плевать он хотел на выставки, их автоматы и бомбу.

Агата вышла к служебной лестнице, ведущей на этаж ни-

же.

Командир, сияя своим швом на щеке, склонился над Филиппом. Тот что-то бормотал, пока командир его сканировал.

– Девушка. Черные волосы. Платье. Чулки. Серо-синие глаза. Камень. Камень... интересно. – Командир не произносил этих слов вслух, но словно транслировал образы своему отряду. Ментально он передал своим черным псам кого именно нужно искать. – Мужчина. Яркий галстук. Черный костюм. Кровь. Брат.

Свои семнадцать секунд полета вниз до 39 этажа я потратил на то, чтобы привести себя в опрятный вид. Поправил галстук, заправил рубашку, застегнул пиджак. Низ штанины и левый туфель залило чем-то липким, наверно коктейль. Хрен с ним. Двери уже открылись.

Странный, разноцветный и узкий по сравнению с предыдущими помещениями коридор. Геометрически прямые световые панели, переходы и двери. В одном из пересечений коридоров, я краем глаза увидел двух солдат в другом конце. Они что-то крикнули, но я не остановился. Ускорив шаг, я

потерялся за одной из дверей. Я проходил один зал за другим. Тут вообще есть лестницы? Людей нет точно. В конце концов, я нашел служебный вход. Заперто. Но когда это меня останавливало?

Я поднялся на этаж выше и тут быстро затерялся среди обеспокоенных граждан. Поток перешептывающихся людей куда-то двигался. Не знаю, что здесь случилось, но солдаты сопровождали их подбадривая фразами: «Граждане, проходите к лестницам, мероприятие окончено, не затрудняйте эвакуацию». Увидев, что я стою на месте, один ткнул меня в плечо, показав в направлении, куда шли все остальные. Они выводили людей из всех помещений, проводя к лестницам, а там стояло еще несколько солдат внимательно изучающих проходящих мимо. Я пошел в медленном темпе толпы. Почему тут вообще столько людей, по идее этаж должен был быть вообще закрыт на технический ремонт. Может людей сгоняют с верхних этажей? Я увидел указатели над головой. Мост был в совершенно другой части уровня. Мне нужно было срочно ретироваться. Надеюсь, у Агаты путь вышел легче. В таком случае она меня уже должна ждать где-то там. Но если солдаты уже знают, кого ищут, а она одна? Хотя почему Агату, может они ищут меня? И те двое, что все ближе и все внимательней всматриваются в толпу, меня сейчас идентифицируют? Да кто они вообще такие?

Наверное, это было слишком импульсивно и глупо, но это был, возможно, единственный шанс. Рядом со мной у стены

оказался сигнал пожарной сигнализации. Одной рукой я резко сорвал пломбу, открыл защиту и нажал кнопку. Секундного замешательства хватило, чтобы я сумел нырнуть в ближайший коридор и со всех ног бежать за другой поворот. Я бежал по лабиринту оранжевого коридора в противоположную часть этажа. А там под экстренным дождем мокли десятки людей. Кто в вечернем наряде, кто в офисном, а кто в рабочем костюме. Солдаты лишь поторапливали толпу. А кто-то из солдат, возможно, пустился в тот же лабиринт, что и я.

Сзади раздавался тревожный сигнал. Впрочем, его, как и душ быстро отключили. Но наверняка это был мой сигнал всему поисковому отряду. Я как бы сказал: «Эй, песики, косточка у меня! Я здесь на 40-ом этаже. Да я прямо тут!». Хотя на своем пути я никого не встретил.

Вот и переход. Я смотрел на него с верхней площадки. Там внизу несколько солдат и люди. Сам вход на мост был заблокирован.

– Что ты так долго? Сюда. – шепотом сказала Агата, взглянув из-за двери.

– О слава богу. – я забежал в номер.

– Пока ты принимал душ, – Агата растрепала мои промокшие под противопожарной защитой волосы, – я уже провела небольшую разведку, идем.

Мы вышли в спортивный зал, а за ним в длинный коридор дверей. Агата, прихрамывая, нашептывала проклятия в адрес своих каблуков.

– Эй нам еще придется побегать, а то и попрыгать. – я завел ее в одну из раздевалок. – Присядь.

Агата с облегчением сняла туфли. Я рылся по шкафчикам. Пустые. Закрытые. В других лишь какие-то тряпки и полотенца. Есть кроссовки, но слишком огромные. Агата сидела спиной ко мне, держа в руках и изучая сбитые каблук туфель.

В итоге я нашел две пары, даже, по-моему, женских кроссовок.

– Алан, прости за...

– Не сейчас. Вот, примерь.

Агата стала влезать в кроссовки. Я посмотрел на часы, несколько пропущенных от Игоря. И вот он звонит снова. Я ответил.

– Алан, где тебя, пресвятой Себастьян его мать и тетю, носят? Где ты?

– Все хорошо, ну почти. Мы на этаже у перехода. Ты узнал кто это такие?

– Нет, у меня пока нет информации.

– Ты говорил о дежурной машине у второй башни. Она мне нужна.

– Она еще там. Ты с Филиппом?

– Да.

– А сестра?

– Тут организовалась эвакуация, и я отправил ее с остальными.

– Ладно. Скидываю координаты дежурки.

Агата шнуровала кроссовки:

– И зачем им нужен Филипп? Почему ты соврал? – Агата встала.

– Не жмут? – я смотрел на ее ноги.

– Нет.

– Хорошо. Идем.

– Алан ты ответишь?

Мы вышли в коридор и шли обратно в спортзал. На ходу мы проговорили наши действия. Нужно было выйти на еще этаж выше и выйти через окно на крышу моста, добежать до соседней башни и спуститься к машине. Подняться выше можно было прямо в том спортивном зале, там высокие потолки и лестница на технический этаж.

Вскоре мы оказались у того самого окна над мостом. Благо на этом этаже мы не встретили ни души. Я открыл окно, впусив свистящий ветер:

– Дамы вперед.

– Тот раз в парке Алан, что бы ты знал, мне было не страшно, хоть я и кричала. Но сейчас, – Агата окинула взглядом более сотни метров вниз, – у меня дико дрожат коленки.

Агата спрыгнула на крышу моста, а я за ней.

Мы побежали в сторону недостроя, не отвлекаясь на красоту ночи, текущий где-то там внизу свет автомобилей и подвешенный желтый месяц луны.

На 89 этаже. На краю площадки веранды стоял Командир. Он смотрел вниз и прерывисто вдыхал прохладный воздух, пытаясь уловить что-то в колыханиях ветра. Две далекие фигуры пересекали мост между двумя башнями. Он подался вперед и полетел камнем вниз.

Я догнал Агату, и мы вместе спрыгнули внутрь перехода, в дыру между недостроенными панелями. Приземлившись, мы пролезли через перекрещенные какие-то конструкции, порвали полиэтиленовую стену и оказались уже внутри второго высотного недостроя. По полу прошла волнообразная дрожь. Я обернулся. Через развивающийся на легком ветру полиэтилен, на том конце перехода шла размытая фигура того самого лысого Командира.

Мы с Агатой поспешили вглубь здания. Нужно было как-то быстро спуститься еще на 40 этажей вниз. Облицованные стены сменились голым бетоном. В центре одного большого помещения оказался *колодец* в полу. Этажа четыре можно было тут срезать. Внизу была натянута синяя ткань. Не известно, что под ней и выдержит ли она наши тела. Право первого, теперь было у меня. Я решил прыгать. Вышло мягко, под тентом был песок или что-то вроде этого. Агата прыгну-

ла следом. Я сверился с картой на дисплее часов, и мы побежали дальше, спрыгивая все ниже там, где были бреши в полу.

Вдруг, стену рядом с нами окропила очередь пуль. Потом еще одна. Пригнувшись, я укрыл собой Агату. Мы оглянулись по сторонам. Между стен, то тут, то там мелькали фонари, и слышался плотный топот берцев. Мы двинулись дальше. Очередную стену прошибла очередь. Вряд ли они хотели нас именно убить.

Внезапно Агата упала.

Было темно. Платье было черным. Я подхватил ее, и хоть она ответила на мой вопрос, что все хорошо, и она может идти, обхватив ее за талию, моя рука промокла. В отблеске фонаря, который был все ближе, я посмотрел на свою окрашенную в багровый цвет руку. Мы остановились. Я посадил ее у стены. Яркий свет ударил прямо ей в лицо. Резко обернувшись, я перехватил винтовку, перебросив черного как тень солдата на бетонный пол. Пустил в него короткую очередь. Где-то наверху были слышны еще шаги и глухие удары ломающегося бетона.

– Ада, слушай нам нужно бежать. Терпи сестренка. – Я глянул на карту на дисплее часов, метка машина двигалась. – Куда мать их они едут?

Немного простонав, Агата встала на ноги. Я знаю, она крепкая, она справится. Осы пуль снова врезались в стену в сантиметрах от нас. Я выпустил в ответ. Присел и выпу-

стил еще одну очередь. Фонарь упал. Подхватив Агату, мы побежали дальше.

– Алан я чувствую его. Он словно у меня в голове.

– Терпи Ада. Пошли его на хуй, раз он там.

Рядом оказалась лестница. Точнее сырые ступеньки посреди бетона, но здесь мы осилили еще несколько этажей вниз. Где-то сверху раздался тяжелый удар. Посыпались мелкие камни и пыль. С неуверенно дрожащей лестницы мы свернули в сторону. Пробегая комнаты насквозь, мы уже были близки к самой дальней, противоположной от «Ригеля» этой части башни.

Сзади раздавались сильные импульсные удары, своей волной подталкивая нас вперед. Агата оступилась.

– Алан я не могу, у меня болит... голова... – дышать ей становилось тяжелей.

Уши заложило.

Взрыв прошел очень рядом, откинув меня в сторону. Я не успел ей ничего ответить, как меня шмякнуло об стену. Я заметил Командира. В его сторону полетела злая порция пуль. Все они прошли, будто мимо него. Патроны в винтовки закончились. Но, оказывается, еще были эми-заряды в подствольнике. Все три выстрела улетели в его сторону. Надеюсь, это ему здорово дало по башке. Откидываю винтовку. Поднимаюсь и вновь подбегаю к Агате. Подбадривая, я поднимаю ее на ноги. Мы делали, как мне казалось последний рывок. Машина должна была быть прямо под нами. Где-то

на этажах между одиннадцатым и седьмым мы выбежали на внешнюю лестницу, обставленную строительными лесами. Стали спускаться по ее неудобным, узким железным ступенькам. Позади, прогремел еще один взрыв. Нас не задело, но сверху попадали деревянные балки и трубы. Внизу, в переулке я увидел машину – она подъезжала с выключенными фарами.

Очередной взрыв. Этот толчок был ощутим, пришлось крепче держаться за перила. Строительные леса разлетались, падая на дорогу внизу. Лестница заваливается в переулок. Я пытаюсь дотянуться до Агаты. Она на несколько ступенек выше. Но еще один выстрел ломает лестницу и надежду окончательно.

Агата не удержалась.

Цепляясь за перила падающей куда-то лестницы, наблюдаю, как ее хрупкое тело бьется о жесткие, мокрые объѣты асфальта. Машина едва успевает затормозить прямо перед ней. Я слышу визг тормозов и ее короткий, пронзительный крик.

Я падаю с грудой железа лестницы, где-то за машиной. В моем случае обошлось без травм. Откинув обломки арматуры в сторону, прихрамывая я быстро поднялся. Оперативники вышли из фургона и поспешили к Агате. Они включили фары. Свет падал прямо на нее.

Оттолкнув их, я упал рядом с ней. Она еще дышала. Мелкие капли морозящего дождя покрывали ее лицо. Лужа по-

степенно окрашивалась в темно-красный цвет. Я приподнял ее, пытаюсь привести в сознание.

– Алан? Где Филипп? – спросил один из оперативников. Я его проигнорировал. Он переспросил.

– Вызовите скорую. – не знаю почему я это говорю, сюда движутся эти черные псы со своим лысым охотником, тут нельзя оставаться.

– Мы уходим. Объекта нет. – второй сообщает по рации. Оперативники разворачиваются к машине.

– Эй! Мне нужна машина! Мы с Игорем...

– Ты не выполнил задание! – Меня перебил один из них.

Он хотел продолжить свою репризу, но я тоже не стал его дослушивать. Понимая к чему все приведет, я бью его точно в лоб. Бью наверняка. Он падает. Второй тянется за оружием, но я быстрее. Хватаю руку и накидываю ему еще и еще удары. У меня нет времени с ними танцевать, но ребята они крепкие. Чувствую резкий холод в боку. Это будет больно, но чуть позже. А пока разворот и удар. Нож вылетает из рук первого. Хватаю его голову и оставляю ей вмятину на капоте машины. Второму оставляю вмятину уже коленом в черепе. Они оба стекают на асфальт. Я снова рядом с Агатой. Ей удастся что-то прошептать, но я не разобрал. Беру ее на руки. Ноги подкашиваются у самой машины. Падаю на одно колено и чувствую, как кровь настырно вытекает из правого бока. Затекает даже в трусы.

– Алан, – произносит Агата, – у тебя кровь.

– Это твоя, родная. У меня все в порядке. – я пытаюсь сделать усилие что бы встать.

– Стой.

Агата приложила свою руку к моему ножевому. Ее глаза заливают ярко синий свет, ореол сияния проходит по руке. Я чувствую резкое облегчение. Не успел я осознать, что произошло. Как ее глаза сверкнули темно-вельветовым и закрылись. Тело обмякло. Фиолетовые прожилки на камне, в ее подвеске сверкнули и потухли одновременно с ней. Я встаю и сажаю ее в машину. Сам сажусь за руль.

Дождь усиливался. Сверху на машину упало несколько столпов света от фонарей. Я нажал на педаль газа, оставляя позади звуки вгрызающихся в крышу фургона пуль.

НА ПАМЯТЬ

Если без заторов на дороге, то до ближайшей клиники можно было добраться минут за десять. Дворники скрипели, старались как могли сохранять видимость, раскидывая обрушившийся на лобовое стекло водопад. Лавируя между полос движения и не задерживаясь на светофорах, я мчал выше средней скорости потока. Откуда-то раздавались звуки сирен. За барабаном дождя их было не так слышно. Где-то внизу, в салоне машины стучал упавший термос. Бумажные стаканчики кофе с приборной панели я откинул за сидение. По радио-чистоте без конца вызывали почивших оперативников. Ее я отключил.

На часах, снова накопилось пропущенных вызовов от Игоря. В этот раз я набрал ему сам.

– Алан, это не смешно. У тебя большие проблемы. Чем ты думал!?

– Не торопись. С начало ответь мне на один вопрос. Ты не очень удивился, когда я сказал тебе, что в номере оказалась сестра.

– Алан.

– Ты не знал, как разменять свои карты, месяц держа меня на привези. И вот подворачивается случай взять крупную птицу, а заодно того гляди и еще одну звездочку на погон. Как тебе кажется, крупную птицу, ведь особых улик то нет.

– Алан!

– И вот зачем внедрять обученных агентов, зачем лишние траты нервов, сил и времени, когда момент вот он, не упустить бы. Можно просто отправить в самое гнездо незадачливого, задолжавшего своей свободой старого друга, может быть запутавшегося, оказавшегося по другую сторону жизни и буквы закона, но по-прежнему, как мне казалось старого друга. Но все тут ладненько как-то, к тому же есть у друга персональный доступ к телу крупной птицы, в виде родной сестры, волей случая оказавшаяся в нужных кругах общения. А адрес я ему подкину в последний момент, как бы невзначай, как бы только получил данные об объекте. Гениально! А за сохранность бюджета и ресурсов внутренних органов, можно было бы еще рассчитывать на значительную прибавку к премии.

– Алан я...

– Это еще не вопрос. – я свернул с оживленной дороги в переулочек, надеясь срезать путь. – Что ты знал об этих чертовых солдатах?

– Алан я до сих пор не знаю, что это за подразделение и что им нужно. Ты не понимаешь всей картины, все не так!

Наш фургон выскочил из переулочка и столкнулся с каким-то белым хетчбэком. Не сильно, но я ударился об руль. Хорошо хоть пристегнул Агату.

– ... Я даже сейчас рискую, разговаривая с тобой. Если ты не направишься к участку я скину координаты фурго-

на, – в треснувших часах с перебоями едва слышался монолог Игоря.

Я скинул часы с руки. Они упали куда-то под сиденье. Выруливая на дорогу, пока водитель хетчбэка сигналил мне в след, я вновь набирал скорость. Взяв запястье Агаты, из-за тряски машины я не мог уловить ее пульс. Но все еще надеялся, что нить не оборвана. Держись родная.

Я думал, даже рассчитывал на погоню, но хвоста не было. Возможно, они потеряли след из-за крайне тяжелого состояния Агаты. У нее с Командиром была какая-то связь. Непонятно, как именно, но он ее чувствовал, как акула чувствует жертвенное облако крови в океане.

Едва успев проскочить последний перекресток, мы оказались у клиники. Достаточно большое девятиэтажное здание. От дороги до входа было что-то вроде мини парка. Я заехал на тротуар, прорыхлил немного газон и пронесшись по пешей тропинке, затормозил у самого входа в больницу.

С криками выбежал охранник.

– Заткнись и лучше помоги! – с Агатой на руках я показал ему на вход, он сглотнул и придержал дверь. Кинул мне в след, что вызывает полицию. А мне было плевать, они скорей всего и так уже сюда едут.

С еще теплым облаком надежды на руках я бежал по коридору, прося о помощи. За нами тянулся мокрый розовый след из дождевой воды и крови. Люди шарахались в сторону. Медсестры просили не кричать. Кто-то вторил мне, то-

же зовя врачей передовая эхо все дальше. Белые стены и яркий свет резали глаза. Один из санитаров подкатил кушетку. Я уложил Агату на нее. Следом подбежал доктор и подхватил ситуацию. Мы повезли ее дальше по широкому коридору в операционное отделение. Через минуту оказались в палате с кучей приборов, столом в центре и нависающей над ним светом и аппаратурой. Санитар ушел. Я, врач и еще одна ассистентка остались в палате с Агатой. Ассистентка стояла за панелью управления той штукой над столом.

Доктор подключил датчики. Пульс был слишком слабый и тут же оборвался.

Дефибриллятор. Разряд. Доктор повысил мощность. Еще. Пульс восстановился.

Глубоко и прерывисто Командир вбирал в себя воздух. Дождь наверняка ему мешал. Капли, скатывающиеся по его жилистому лицу било мелкими всполохами молний при контакте о стальную пластинку на его шраме.

– Черный фургон. Зеленый кафель. Белые стены. Яркий свет. Малиновый галстук.

Врач попросил ассистентку включить диагностику. В сто-

роне на дисплее появилось оцифрованное состояние здоровья. Мерзковатым голосом, из-под повязки на лице, медсестра озвучивала показатели по мере появления:

– Внутренний перелом четырех ребер. Внутренний перелом бедра в двух местах. Переломы пяти поясничных позвонков. Множественные ушибы. Глубокое огнестрельное ранение. Задета печень. Большая потеря крови. Сотрясение головного мозга третьей степени. Внутреннее кровоизлияние в мозг...

– Доктор...? Она будет жить? – врач готовил инструменты, я держал ее руку.

– Желаете провести оцифровку сознания? – отвлекла ассистентка.

– Что? Нет. Зачем?

– Извлекь данные из неповрежденных участков мозга для последующего восстановления в реконструированном теле или сохранения на случай благополучного исхода.

– Благополучного исхода? – я ошибся, это уже был голос ИИ, слишком уж похож на тот противный тембр медсестры. – Эй, Док! Ты собираешься, что ни будь начать делать?

Я взял хирурга за грудки.

– Поясничный отдел позвоночника, не подлежит восстановлению. Рекомендуема альтернатива – опорно-двигательный корсет протеза NI-55 усиленного образца. Включить замену в процедуру операций?

– Анна, выключи его! – доктор обратился к ассистентке –

Успокойтесь, мы сделаем все возможное. Анна вызови Носова. Быстрее. А вам пока нужно побыть снаружи. У вас ведь все в порядке? Это ваша кровь?

– Извините. – я отпустил его, хотел вытереть след от крови на его халате, но в итоге размазал еще больше. В палату вошел еще один хирург, и я вышел. Сел на стул напротив палаты и тут же встал. Я не находил себе места.

– Будь у нас «Ковчег» запустили бы процесс регенерации, да и делов, а так... – говорил врач, когда я снова вошел в палату.

– Нет, я должен быть тут. Рядом!

Второй хирург, будучи уже в перчатках и оттягивая прилипшее мокрое платье Агаты, вырезал кусок ткани вокруг раны. Доктор снова вытолкнул меня из палаты, предупредив, что вызовет охрану. Я согласился, я понимал, что им нужна тишина. Перевел дыхание.

По крайней мере мы в больнице, ей уже помогают. Я вышел из отделения в поиске кофе-машины, но пощупав разбитый подбородок, понял, что от этого желания меня воротит. Хотелось просто воды. В глазах рябило.

В дальнем конце коридора шли несколько совершенно черных фигуры. Темное пятно посреди белых стен больницы. Нет. Нет. Нет. Дальше вы не пройдете. Я вернулся в отделение. В стене за стеклом был пожарный щиток со всем набором инструментов. Разбил его, вытащил монтировку. Там слышались короткие очереди и вскрики. Они шли целена-

правленно и в этот раз, с встречающимися у них на пути людьми они не церемонились.

В арке входа в отделение показался солдат. Из-за угла и прямо по голени обеих ног ему прилетает монтировкой. Готов поспорить, что это было ощутимо даже через его доспехи, даже учитывая, что он не издал ни звука. Упавшего, я добил еще двумя ударами монтировки. Шлем треснул. В арке показался следующий. В него полетела монтировка, а я схватил с пола винтовку, сходу выстрелив в его сторону. Пуля сверкнула по касательной о шлем. Я присел на колени, отправив второй выстрел. Она въелась со смачным звуком прямо в круглую линзу глаза. Я подбежал к углу. Выглянул. Не успел сосчитать сколько их там еще. Толи три, толи пять. Выпустил слепую очередь.

Дефибриллятор.

Какой-то толчок. Я выглянул из-за угла. Толи коридор стал раза в три длиннее, толи они бежали в обратное направление. Я снова выглянул и увидел там Командира. Еще толчок. Я чувствую, как тяжелая рука опускается на мое плечо. Командир разворачивает меня, отвешивая встречный моему движению удар. У меня что-то хрустит. Он хватает меня за горло, приставляет к стене, поднимая над землей. Что-то знакомое в хватке. Встречаю его взгляд. Светящаяся зеленым радужка глаза и это металлическое эхо в голосе.

– Какая самоотверженность!

Его шрам электризуется и обхватывает ломанными элек-

тросветовыми линиями руку. Он замахивается для удара.

Дефибриллятор.

Мгновенье. Оно застыло. Ощутив наплыв некоей волны, окутавшей все помещение, я смотрел на пластилиновое лицо Командира. Пощупал его. Я могу двигаться, как-то плавно, но ощутимо быстрее происходившего вокруг бедлама. Пространство преломлялось под углами, будто скомкиваясь. Освободив хватку, я взял висящий недалеко огнетушитель и зажал его в руке Командира в которой, он держал мое горло. Я подхватил винтовку в тот момент, когда пространство, словно опять стало распаковываться. Темп быстро ускорился до своего нормального время ощущения.

Командир влупил по огнетушителю ошарашенный резким взрывом. Пенная вечеринка удалась. Я пустил очередь в тех трех еще бегущих солдат и швырнул в их же сторону эми-заряд. Сам поспешил вернуться к палате. До двери добежать не успел, как некоей тягой меня отшвырнуло назад и ударило об стену. Командир подошел к дверям палаты. Еще раз взмахнул рукой, и двери вынесло вылетевшим изнутри доктором. Он летел прямо в меня, но я успел пригнуться. Тот рухнул на меня сверху. Я вскакиваю и вижу, как взгляд Агаты и рука подняты в мою сторону.

Пространство схлопывается.

Командир не успел даже войти в палату и, судя по всему, был удивлен не меньше моего. Мы оказались на проезжей части около клиники. Прямо на дороге. Сигналили мча-

щие мимо автомобиля. С нами тут оказались еще и куски помещения. Двери. Плитки кафеля. Какие-то папки и бумаги разлетались по дороге, но их тут же прибывало дождем к стеклам машин. Командир обернулся в мою сторону, и его сразу же снесло проезжающим автобусом. Я успел увернуться от двух такси. Через мгновение снова вспышка и мы снова оказываемся внутри больницы. Во всяком случае, я. Командира видно не было. Но со мной в коридоры больницы на скорости ворвалась машина. Повиляв задницей, пытаюсь проконтролировать занос от резкого тормоза, она снесла трех солдат-бедолаг и одного санитаря, а после врезалась в стойку ресепшена.

Агата все также протягивала руку. Я забежал в палату, у которой уже не было дверей. Протяжный звук клаксона из-за стены. Ассистентка и доктор валялись на полу. В потолке что-то искрило. Свет мелькал. Где-то в глубине здания что-то взорвалось. Наверное, та машина. Прозвучал еще один взрыв, сработала пожарная сирена.

Пробив стену и тут же откинув меня, появился явно недовольный Командир. Я пнул в его сторону стол с инструментами. Подпрыгнул, оттолкнувшись от него, и ударил каблуком по его лысой башке. Приземлился. Схватил с пола скальпель и начал его полосовать. В свою очередь он надел мне на голову увесистый прибор. С Агаты слетели датчики. Прозвучал ровный сигнал. После чего пропал звук и свет.

Пространство схлопнулось.

Веранда на 89 этаже «Ригеля». Командир падает в бассейн вместе с обломками стен больницы и какой-то аппаратуры. По воде проходят искры. В номере пентхауса горит свет, но я туда не всматриваюсь. На краю площадки операционный стол с лежащей на нем Агатой. Она снова тянула руку. Я подбежал к ней.

– Алан... Я... рада... – уголки ее губ слегка приподнялись. Я взял ее за руку.

Сзади послышался всплеск воды. Командир поднимался из бассейна. Но уже было не важно. Пространство схлопнулось. Мы оказались снова в больнице, не в палате, но в зале рядом. С потолка лил душ. Где-то бегали люди. Запах дыма и треск огня. Помещение заливало красным светом от мигающих пожарных, аварийных ламп. Агата, закрывая глаза последний раз, обессилено улыбнулась. На секунду я подумал, что мы справились. Но что-то было не так. Учащалось тихое мигание и писк. Я кинул взгляд вниз. К подножью операционного стола присосалась бомба-липучка. Командир – сука! Я перепрыгнул через стол, подбирая под себя Агату. Вместе мы перевалились за стол.

Взрыв.

Понятие не имею, сколько прошло времени, прежде чем я открыл глаза. Дышать было тяжело. Ужасно ныла спина. Далекие крики. Огонь. Дым. Надо мной наваливался стол. Если бы не он, меня придавил бы потолок. Получилось вылезти и откинуть часть плиты. Все было завалено обломками.

Балки, железные панели падали сверху. Искрились кабели.

– Ада! Адааа!

Я пытался докричаться до Агаты, слыша в ответ лишь пожарные сирены, где-то там, откуда-то оттуда. Я пробрался к месту, где как мне казалось, был взрыв. Она должна быть здесь. Стал раскидывать завалы и горящие перекрытия. Рукава пиджака загорелись. Я хватался за обожженные угли, пока не увидел оголенную шею. Дыхания не чувствовалось. На крик она не отзывалась. Я попытался дотянуться до присыпанного залой черного камня в ее подвеске. Пришлось вплотную прислониться к накалившейся стальной балки, которую никак нельзя было сдвинуть с места. Плечи и лицо обжигало. Не говоря уже о почти горящих руках. Я ухватил камень. Между сжатыми в кулак пальцами выбилось фиолетовое свечение. Ее грудь приподнялась.

Пространство схлопнулось.

Меня буквально выбросило с частью обломков в переулок прямо напротив клиники. Я приземлился в лужу, закричав от резкой боли. Холодная лужа и льющий дождь ошпаривали раскаленную кожу рук. От меня шел пар и дым. Запах горелого мяса. Я повернул голову на дорогу. Там, несмотря на старания пожарных и сильный дождь полыхала больница. Пламенем были охвачены все этажи кроме двух верхних. Еще через секунду здание начало трещать. Нижние этажи проваливались и буквально за мгновение, вся клиника улеглась равномерным слоем. Поднявшеюся пыль, тут же при-

бивал дождь. Груда бетона, железа, и золы укрывала похороненные, где-то в этой братской могиле цветы из плоти.

На тротуаре за переулком прохожие зеваки снимали происходящее на смартфоны, а кто-то просто спешил домой, побыстрее спрятаться от настырного дождя.

Я же просто сидел в луже, разглядывая в красной ладони чернично-черный камень с фиолетовыми шрамами.

вызов-автоответ

– Алан, если ты слышишь меня – ответь.

вызов-автоответ

– Алан ты хоть понимаешь, что на втором этаже той больницы было детское отделение? Тебе назвать цифру всех погибших? Не официальную, а настоящую?

вызов-автоответ

– Два убитых оперативника, чем ты думал Алан, я не знаю. И у них тоже есть дети, представляешь?

вызов-автоответ

– Алан знаешь, что лежит передо мной? Ордер. Ордер на твой арест. Ты в розыске всех служб, твои ориентировки в каждом отделе полиции и в каждом кабинете всех закры-

тых силовых структур. Все собаки спущены на тебя. И тут я бессилён. Но. Если тебе интересно, точнее я знаю, что тебе... в общем её тело не нашли, как и многих других. Боже, сколько бумаг теперь нужно готовить...

вызов-автоответ

– Это последнее сообщение. Я не могу больше рисковать, разговаривая с помехами. Я стираю весь наш след. У меня появились данные о нападавших, если они тебе нужны или если ты хочешь ещё что ни будь обсудить, то я буду ждать завтра в Парке 300-летия.

– Если честно, я думал ты не придёшь. – Игорь сел на скамейку, чуть дальше от меня. – Долго уже ты тут? Я пришёл один, если это важно тебе услышать.

Он снова прервал молчание:

– Не знаю, смотришь ли ты новости, но я смотрю. Жена моя смотрит. И сегодня она спрашивает у меня, как это медсестра приемного отделения сгоревшей и рухнувшей 11-ой больницы, оказалась на 89-ом этаже башни «Ригель», в пентхаусе, в бассейне вместе с куском стены и всей своей стойкой ресепшена, поджаренная электрическим током? А внутри этого номера шесть довольных мертвецов разглядывают обгоревшую картину. Какого черта там произошло Алан?

Я чувствовал его взгляд, а сам смотрел на густое и как всегда пасмурное небо, поверх крон уже порядком облысевших деревьев.

– Да, да я знал о том, что твоя сестра будет там, что поэтому тебе скорей всего легко будет решить вопрос с Филиппом. Согласись, это было бы не сложно. Но я клянусь. Я клянусь тебе, что понятия не имел об этих солдатах. Я не подставил бы тебя так, – Игорь взял секундную паузу, – я прекрасно помню, как ты вытащил меня из огня в...

– Ты сказал, что у тебя есть информация. Говори по фактам.

– Филипп, – он глубоко вздохнул, видно немного с удивлением и сожалением, что я его прервал. – его удалось взять живым. Он лежал в лужи крови и без своей руки. Еле откачали, но в сознание он до конца пока не пришел. Постоянно болтает, что-то про «запертое желание», «короля» и «стеклянную лампу». В общем, «Херувим». Те солдаты в черной униформе без ярлыков – «Херувим». Следы этой частной военной организаций уходят на Запад. Есть инциденты с их участием и в Европе, вот, – Игорь положил на скамейку папку, – здесь файлы нескольких случаев, в подрывной деятельности которых их подозревают, но точных подтверждений нет. Как они у нас оказались – понятия не имею. На предмет «Джиннов» и их связи у нас по-прежнему ничего нет, но буквально вчера он унес еще пятерых на тот свет, и это только у нас в городе.

С трудом контролируя пальцы в кожаной перчатке, я взял папку. Открыл и тут же закрыл.

– Алан, в этот раз я сделать ничего не могу. Учитывая все произошедшее... У тебя есть сутки чтобы покинуть город. И страну. При любой нашей следующей встрече, мне придется тебя арестовать. В лучшем случае.

– Не буду тогда терять время. – я поднялся, закинув папку за пазуху, а руки в карманы пальто. Сделав шаг, я еще раз обернулся. – И Игорь, при любой нашей следующей встрече, мне придется тебя убить. В лучшем случае, быстро.

ATLAS. ПРАЙМАЛ

ПЯТНА

Холодный воздух залезал все глубже в легкие. Отработанное тепло, паровыми выхлопами вырывалось изо рта. Ноги проваливаются в рыхлый снег. Ветер все настырнее гудел в ушах. Тонкие сучья спящих деревьев хлестали потрескавшиеся щеки. Мертвые кроны деревьев, щедро разбрасывают белоснежный пепел, заставляя прищуриваться на бегу. Кровь. На снегу кровь.

– Она ваша?

– Нет. Я бегу по красному следу. На некоторых деревьях тоже размазанные красные метки. Лес. Он кажется бесконечным, но резко обрывается. Я в поле.

– Лес позади вас?

– Да, но очень далеко. Белый саван поля стелется до горизонта. Медленно кружится снег. Я с трудом пробираюсь вперед и вязну в сугробах по колено.

– Кровь. След пропал?

– Поле девственно. Я здесь первый прокладываю, через еще нетронутую, густую твороженную массу, путь. Я все ближе к шару.

– Шару?

– Над полем. Над слоем снега. Примерно метром выше висит шар.

– Опишите его.

– Это свет.

– Просто свет? Какого цвета?

– Я вязну по пояс, а из снега, под шаром света что-то поднимается. Не чувствую пальцев. Я... тону.

– В снегу?

– Болото. Я не вижу поверхности. Густая, холодная вода... очень плотная.

– Что поднималось из снега? Вы видите?

– Воздух... – я сглотнул сухую слюну, – Все труднее...

– Так, хорошо. Алан, я досчитаю до трех, и вы проснетесь.

Один.

Я пытаюсь вздохнуть.

– Два.

– Мне...

– Три.

– Рука!

– Алан вы проснулись. – Док щелкнул пальцами.

Я распахнул глаза и стал жадно заполнять опустевшие резервуары легких. Надо мной, не спеша крутились лопасти вентилятора на потолке. Я немного перевел дух.

– Выпейте воды. – скрестив ноги Док продолжал сидеть в кресле. Показал мне на стакан воды на столике рядом.

Осилив пол стакана за один глоток, я произнес: «Рука...»,

так словно каждую букву прочесал на терке. Говорят, зеленый цвет успокаивает, наверно, но только если это не цвет носков Дока. Я допил, горло перестало першить.

– Что за рука?

– В самом конце, меня кто-то взял за руку.

– За руку? Хотели вас вытащить? Спасти?

– Не знаю. Какая разница Док? Я хожу к вам уже больше месяца и что толку? – я встал с кресла. – Ни чего твердого, ни одного ясного образа. То лес, то пустыня, то зима, то море. То я ранен, то я бегу за кем-то, то кто-то преследует меня. Я не вижу смысла...

– Мистер Росс. – Док поднялся со своего кресла, подошел к окну и приоткрыл жалюзи. Кабинет заполнил полосатый, солнечный свет. – Может вы и не замечаете, но мы достаточно далеко продвинулись. У вас крайне интересный случай, вы сами знаете, ваша кома...

Док снял очки и снова сел в кресло. Зеленые носки опять выглянули из-под черных брюк. Единственное их оправдание – сочетание с его темно-зелеными глазами. На черной рубашке расстегнута верхняя пуговица. На среднем пальце, черное кольцо с золотой разделяющей линией по окружности. Треугольные, черные запонки. Волнистые, черные волосы и легкая седина на висках.

Покачиваясь в кожаном кресле, он продолжил:

– Подсознание работает несколько иначе, не ждите закадрового голоса и подробных инструкций. Возможно все эти

переживания, даже не относятся к реальному опыту прошлых воплощений, но служат неким катализатором. Возможно, сплетение этих разных ветвей событий приведут нас в переход, например, болото – предсмертный момент.

– Что вы сами думаете о реинкарнации?

– Как психолог, я скажу, что суть трепетной веры человека в жизнь после жизни, навечно неистребимым страхом смерти. И как человек, подверженный такому же страху, я скажу, что естественно я верю в перевоплощение. Но что именно стоит за этим термином? Память играет с нами в злую шутку. Поэтому, я и изучаю этот феномен, уже как психолог.

Пробежавшись по мне своими зелеными рубинами глаз, Док спросил меня:

– А вы Алан? Верите? Или мы тут попусту теряем время друг друга?

– Верю. Но меня больше интересует сама «смерть».

– В этом мы с вами и похожи Алан. Смерть – это то, что как раз и стоит ЗА термином «реинкарнация». Скажите, думаете ли вы что бессмертная душа, она же истинное Я, эго, тэтан, самость, может быть также смертной?

– Может быть. Может по воле неких неизвестных нам сил или законов.

– А теперь представьте, что вас ждет такая смерть – полная и окончательная. Что вы предпримите?

– Все возможное.

– Это называется выживание. Я много путешествовал,

Алан. И видел, как по всему миру люди живут в аварийном режиме существования. Приверженцев самых разных конфессии и воинствующих религиозных взглядов, борющихся за выживание их идей, но не самих себя. Они с улыбками идут под горячие пули или принимают холодные объятия смерти, веря, что только дух может быть спасен и только дух может спасти или исцелить их тело. Но если отнять у них эту веру? Дух? Они превратятся в тех бедных детей в грязи, детей с ружьями, детей на костылях, без рук и ног. Детей, не загаженных ложными догмами и простым желанием выжить. Нет ничего более естественного, чем желание выжить.

Этот инстинкт двигал племена язычников к набегам и завоеванию все новых земель, для большего урожая и прекращения голода. Что бы выжить. Они закапывали награбленные сокровища, уверенные, что смогут ими воспользоваться в другой жизни и там в ином мире, они помогут им... выжить.

Именно этот инстинкт, в прошлом толкал мыслителей на поиск эликсира бессмертия. Он же и заставляет атеистов магнатов сегодня, спускать свои деньги, которые они не могут потратить в следующей жизни, на поиск пути к бессмертию, чтобы продолжать тратить их в этой.

– А я знаете, много плавал с одним Капитаном, который любил поговаривать: «Прошлое в одной руке, будущее в другой, а посередине хуй».

– Это... интересно. Но не совсем понятно мне.

– Он говорил это о своих нерешенных отношениях со своей бывшей женой и новой дамой сердца.

– И, тем не менее, я не уловил...

– Суть. Как и я. К чему вы ведете?

– Гхм, нам пока не удалось собрать пазл вашей какой-либо прошлой жизни, но позвольте еще немного поинтересоваться вашей нынешней.

– Да, пожалуйста... – протянул я, снова растянувшись на кушетке.

– Насколько я уже знаю, вы преступали черту закона и были осуждены, так?

– Да, домашний арест.

– И, тем не менее, это ограничение свободы. Вам ведь было некомфортно? Некомфортно. Но допустим, вы оказались в тюрьме. В тюрьме поднялся бунт и ваша камера открыта. Теперь вы отчасти свободны. Вам протягивают оружие и вот ваш выбор – присоединиться к бунту против несправедливого суда и системы или остаться в камере в иллюзии покорной морали.

– А если я осужден справедливо?

– Что ж, исходные данные те же, но ваше решение принимает другой оттенок.

– Ну, если остаться в стороне, то, скорее всего, будешь убит новой системой, новой пришедшей силе на смену старой.

– Непременно. – подтвердил Док.

Лопасты вентилятора продолжали неспешно вращаться, заполняя своим тихим волнением тишину.

– Не спешите с ответом. Вернемся пока в наш предсмертный момент. Болото. Ваше желание *выжить*, может помочь нам преодолеть этот барьер и заглянуть глубже. За переход. Наверняка так и есть, но нужно проверить. Да, это сложно, но если у вас еще есть силы для еще одного погружения Мистер Росс, то можем продолжить.

– Нет, мне надо идти. В следующий раз.

– Что ж, сделаю вам скидку, – он поднялся и пожал руку. – в следующий раз.

– До встречи Док.

Уже у двери он меня остановил:

– Алан, последний вопрос...

– Нет, я не буду заводить собаку.

– Нет, я не об этом. Та рука, она была мужской? Это было больше похоже на рукопожатие друга, отца? Или более нежное, женское? Мать? Возлюбленная? – он выдержал короткую паузу, – Сестра?

На секунду я задержался, но не оборачиваясь все же вышел за дверь. Никак не мог выкинуть из головы его зеленые носки...

Не могу сказать, что эти сеансы несли какую-то пользу. Я продолжал просыпаться от досаждающих, неясных потусторонних снов, содержащие обрывки необычных, странных и я не уверен, что моих воспоминаний.

Я вышел на улицу. Закурил. Затянулся уже слегка морозным воздухом и выпустил сизый, смешавшийся с паром из рта дым. Прохладный и солнечный Париж. Да, уже прошел почти год как я перебрался сюда. В один из немногих городов старушки Европы, а ныне ее Метрополь, что еще держится монолитом среди давно расчленённого Евросоюза. Здесь я вырос, хотя лет пятнадцать назад он еще был совсем другим, но времена корпоративного феодализма Нового средневековья уже наступали. Национальный вопрос стирается вместе с границами потерявших суверенитет стран. Старый порядок, воплощенный в системе международных организаций, по сути рухнул. Еще формально существующее ООН, пытается подпирать уже рухнувшее здание палочками и подвязывать его веревочками из новых альянсов и союзов кота с угрем. Но убедить окружающий мир, что этот капитальный ремонт ведет всех нас в очередное коммунальное светлое будущее, выходит, мягко говоря, слабо.

Раздался голос колоколов.

Проходя под солнцем этих улиц, хранивших атмосферу старого Парижа, казалось, что весь тот безумный и хаотично движущийся мир был так далеко отсюда. Невысокие дома у канала реки Сены, уютные террасы, кофейни. Но синтетический вкус хлеба в местных пекарнях уже говорил о необратимости, о чем-то неуловимом и навсегда потерянном. Тем, не менее, Док, он же Алесандр Кеннет, проводил свои сеансы именно здесь, напротив Собора Парижской Богоматери. Как

он говорил, звук здешних, знаменитых колоколов помогает его пациентам и ему настроиться на один тон. На одну вибрацию. Этот звон пробивается через стены уличного шума, но уже пролетая через речной канал, тонет в колодце ближайшего квартала. Мне же на эти католические *ковбелльные колыбельные*, как и на все брендированные сувениры церковных франшиз было плевать – выпасться бы. И если честно, сотня виски перед сном, все еще было лучшим снадобьем, но по-прежнему не самым эффективным снотворным.

На сеансах Кеннет погружал меня в пограничное состояние и пытался найти причину моих кошмаров в возможно травмирующих событиях моих прошлых жизней. Я не верил, что добраться до них, можно вот так просто. Как не споткнуться о возможные фантазии наивного мозга? Впрочем, это и не было просто. И я по-прежнему не понимал, зачем продолжал кормить Кеннета толстыми купюрами и себя тощими надеждами.

Сам кабинет Дока, больше походил на конуру нуарного детектива. Из его окон, поверх ребер стен и шпиля Собора возвышались величественные обители, глядящие своими стеклянными глазами на разбитые районы за каменной стеной.

Да, за этой *дамбой* – кочевые пристанища. Как и у других стен, разбросанных по Европе агломерации – миллионы беженцев в районах-резервациях, бегущие от локальных го-

родских войн частных корпораций и непригодных более для жизни городов из-за бунтующей погоды.

Я шел вдоль речного канала. Затянулся. Прищепкой, никотин защебил в груди. Впереди меня, неспеша прогуливался отец с сыном. Может отчим, может брат, как знать? Мальчик держал одной рукой синий, легкий воздушный шар, а другой тяжелую руку отца. Во всяком случае, они все так выглядят – эти стальные, гидравлические пластины имитирующие мышечные волокна. Я снова почувствовал тяжесть на челюсти и вкус железа.

Мальчик задрал голову глядя на летящие черные пятна грачей, сорвавшихся с крыши Собора. Я тоже проводил их взглядом. Вспомнил отца. Его бумажные самолеты – оригами из секретных документов. Так мы их утилизировали. Отец чем-то спрыскивал бумажные крылья, дабы быть уверенным, что пущенный белый, космический корабль, войдя в нижние слои атмосферы и преодолев пять этажей, точно сторит прежде, чем обрушится на зеленое поселение муравьев. Я верил, как и говорил отец, что «особое покрытие» позволяет истребителям разогнаться до сверхсветовой скорости. Они устремлялись в бесконечные дали, оставляя после себя лишь оранжево дымчатый шлейф и запах чернил.

Здесь, на этой земле я его и потерял. В 2010 году отца командировали в Женеву. Он был физиком, работал в ЦЕРН и ничего не рассказывал над какими проектами, и на каких объектах вел работу. Позже он перевез и нас, всю семью

в Париж. В 2012 году при взрыве на одном из объектов он погиб, как и еще десяток ученых. Компания просто прислала чек на приличную сумму и письмо с соболезнованиями.

В детстве я часто травмировался. У меня были не самые крепкие кости, и сам я был еще тем везунчиком, но это меня не останавливало от сомнительных развлечений. Мелкими, мы тогда часто носились по всяким крышам и забытым стройкам. Нас не остановил даже вид с восьмого этажа на грязно коричнево-красный асфальт, где в серой куртке и малиновой слякоти потаившего снега лежал наш друг. «Ну, ему хоть в школу завтра не надо теперь», – попытался, помню, тогда кто-то пошутить.

Через год, после смерти отца я сам познал ощущение свободного падения. Хруст обвалившегося края крыши и вот я уже лечу, заглядывая в мелькающие окна многоэтажки. В тот день, помню было серое небо, и были серые обои на шестом этаже, два прыгающих холма под одеялом на пятом, запах жареной картошки на четвертом. Свист ветра. Крики. Потом я обнял капот зеленой машины. Треск. Продолжительный сигнал. Поцеловал горизонтальный бордюр. Мне в глаза ударил луч тусклого солнца. Потом темнота. Тишина. Пропали запахи и ощущение пространства. Занавес.

В следующий раз, когда я открыл глаза, на календаре минуло четыре года.

Знаете, это ощущение, когда не можешь вспомнить какое-то простое слово, оно так и вертится на языке и ты как бы

знаешь каждую его букву, но не можешь сказать ничего внятного. Так бы я и описал свои воспоминания о том, что происходило в моей голове за эти четыре года анабиоза. Самое интересное – мое тело не ощутило ход времени, то есть за период, когда я из четырнадцати летнего подростка должен был окрепнуть в восемнадцатилетнего юношу, ну хорошо не окрепнуть, но по крайней мере вырасти – я не изменился, даже волосы и ногти не росли. И выйдя из комы, я остался тем же щупловатым подростком. Но придя в сознание все процессы возобновились. Четыре года просто выпали из жизни, не сказать, что я их даже потерял, разве что визуальная разница с повзрослевшей сестрой теперь стала не так ощутима. На моем сознании это тоже практически не отразилось, даже наоборот, у меня пробудилось дикое желание к различной новой информации, а коэффициент ее усвоения зашкаливал. Так, например, за месяц с небольшим я выучил четыре новых языка: французский, который я знал откровенно слабо до этого; английский, дававшийся мне с трудом; латынь, ну он просто интересно звучал; и итальянский, как ни как язык Ренессанса. Но в основном, мое внимание привлекали различные труды на тему смерти. Из разных сфер, культур, мифов и экспертных мнений. Возможно, я просто хотел вспомнить эти четыре года. Хотя не знал, было ли вообще, что вспоминать.

Пока я дремал в коме, у матери завязался роман с моим лечащим врачом. И я не мог ее винить в чем-либо ведь, для

меня прошел лишь год со дня смерти отца, а для них уже более пяти лет. К тому же он здорово помог мне реабилитироваться, помогал сестре и матери в период моего отсутствия. Девлин или же Дев, ну или Дейв, так его звали, был нейробиологом. А моя мать была когда-то журналистом, но позже увлеклась фотографией. Не знаю, почему ее все тянуло к ученому мужскому миру. Впрочем, Дейва я считал достойным моей матери и через год они уже собирались пожениться, но все откладывали. Он перевез нас в новый дом. А потом... Мы не успели даже коробки толком распаковать, как пришлось съезжать. Проект, над которым работал Дейв, прекратили финансировать, так он сказал, и теперь он не сможет выкупить дом до конца.

В те дни мы часто гуляли с Агатой вдвоем. Я уводил ее в парк, подальше от повышенного тона в голосе взрослых. Однажды, вернувшись домой, дверь оказалась не запертой и в доме не было ни мамы, ни Дейва. Шли часы, мы просто сидели и ждали, что может все-таки они или хоть кто-то придет, но нет. В доме был небольшой бардак, разбросанная на кухне посуда. На одной из стен было смазанное пятно крови. Агату трудно было успокоить в первые часы, да и я и сам не знал, что нам теперь делать. Соседи будто бы нас игнорировали, но некоторые все же сказали, что их забрала полиция. Я прозвонил местные отделения, но не какой информации о каком-либо задержании или даже выезде на этот адрес не было. Они просто исчезли. Но, конечно это было

ошибкой – звонить в полицию. К нам уже ехал наряд, а значит... Приют? Интернат? Или еще куда хуже? Дом, фактически был не наш, а старая квартира была уже продана. Да и какие права у подростков? В то же время я перерыл весь дом, нашел немного, но достаточно на первое время наличных. Так мы оказались на улице...

А еще, в тот вечер, в спальне под кроватью я нашел завалявшийся лист бумаги из какого-то документа или проекта Дейва.

...когда отказывает неокортекс, сознание проваливается в обонятельный мозг, и в этот момент человек переживает, то что называется клинической смертью. Затем сознание проваливается дальше, в рептильный мозг. В этот момент, слабая химическая связь между неокортексом и обонятельным мозгом все еще действует, но связь между неокортексом и рептильным мозгом намного сильнее. Пережитый опыт, если таковой имеется, то он не усваивается, запоминание образов уже невозможно, а симбиотические связи теряются даже у пары близнецов. Ни один человек не может рассказать об этом этапе. Однако у некоторых образцов, гиппокамп продолжает генерировать тета-ритмы уводя сознание в неопределенную зону. При дальнейшей стимуляции синапсов рептильного мозга, возникают образы, галлюцинации, видения с участием эго и других персонифицированных лиц. На следующих этапах,

сознание полностью погружается в рептильный мозг, оттуда в ядро ДНК и...

Это была смазанная копия, но читаемый отрывок в нем, я помню до сих пор.

На часах было без двадцати двенадцать. Я поднимался на станцию. Мне нужно было попасть к Гительману или просто к Часовщику. Он жил на другом конце города и быстрее всего добраться до той части можно было на «струне». Из толщи городских массивов торчали высокие башни, выполняющие роль транспортных узлов и торговых центров. Из таких цилиндрических стволов на разных уровнях высоты тянулись струны – жесткие и тонкие балки из специальных металлов. По ним мчались компактные со стороны и вместительные изнутри обтекаемые вагоны – Скайкорды, здесь их называют так. Некоторые свисали со струн, другие скользили по ним сверху. Переходы с уровней высоты и смена узлов происходила с удивительной автоматизированной синхронностью. Метро никто не отменял, но здесь, неоспоримый бонус – прекрасный вид на город. Стрелы башенных кранов, вытягивающих город вверх.

В период передела Евросоюза, когда мировая экономика встала – зашевелились люди. Массовые бунты, погромы и корпоративный терроризм изрядно потрепал город. А теперь его реконструкцией занимается корпорация «VVS», которая купила основного строительного подрядчика Фран-

ций.

«VVS» занимающаяся до этого в основном протезированием и фармакологией, стала практически градообразующим концерном. Компания собиралась перенести свою штаб-квартиру в Париж и начала строительство кольцевого Форта вокруг столицы. Изначально эта дамба позиционировалась как защита от природных неожиданностей. В последнее десятилетие не катастрофические, но частые подземные толчки прошли по всему континенту. Некоторые шутили, что массовый психоз и марш бессмысленных митингов раздражает саму землю. Но Франции, особенно его северной части, повезло оказаться в некой оазисной зоне, где особых климатических потрясений не было. Тем не менее, «VVS» прогнозировала сейсмическую активность в ближайшем будущем, а из-за бугра вот уж второе десятилетие угрожающе помахивали дымными кулачками несколько супервулканов. Кольцевой Форт, должен был сдерживать, как и возможное наводнение, так и удержать город от землетрясений.

Французский Сенат не одобрил эту идею, но весь город уже был практически частной территорией, монополизированной «VVS». Восстановление и обновление Парижа шло колоссальными темпами. Напряженные отношения Сената и «VVS» сопровождалась частыми диверсиями подрыва строительных работ Форта. Так росли побитые пулями стены высокой инфляций. Как и недовольство народа, считавшим, что дамба лишь фикция для отмыва денег, а на уве-

личения уровня преступности, коррупции в кабинетах и наркотиков на улицах по-прежнему никому нет дела. Другие считали, что именно здесь, закрывшись на самообеспечение и можно будет пережить Европейский гуманитарный кризис.

Я же думаю у города просто историческая тяга к крепостным стенам, начиная еще от времен Римской империй. И сегодня, для Парижа это вновь актуально. Но нынешнее кольцо куда более высокое, чем поборы «стены откупщиков». Более громоздкое и гигантское, чем Тьерская стена. Форт простирается от Заповедника Булонь на западе, до Заповедника Венсен на востоке, проглатывает их, все округа и близлежащие пригороды.

Старый Сенат все еще питал надежды сохранить прежние границы Франций, «VVS» же сосредоточилась на централизации Парижа и его защите от наплыва беженцев. Строительство кольцевой дамбы и стало стеной в их отношениях. Церковь, как всегда распластавшись перед небесами, призывала всех к миру и согласию. Паломничество к Парижским стенам не прекращалось и регулярно, представители высокого сана духовенства выбирались в бетонвили к своей пастве.

Скайкорт перестроился ниже, и я потерял стелющийся у горизонта контур Великой Парижской Крепостной стены. Читаю на экране бегущую ленту новостей:

«...после долгого молчания, переговоры между главами Сената и компанией „VVS“ назначены на ближайший вторник. Этот этап переговоров должен стать заключитель-

ным по главному вопросу кольцевой Стены, а также ряда других социальных проблем...».

Три года они не могут прийти к единому решению, а тут вам заключительный этап.

Наблюдаю, как внизу за стеклянным корпусом вагона мелькают крыши многоэтажек. Передо мной стоит девушка, не задерживая взгляд, она листает ленту новостей, останавливается на гороскопе. Не то чтобы я интересовался, но на заметке о Водолее прищурился. Она пролистнула дальше.

Су#№!... ладно, вроде обещают без потрясений. Так, о чем я?

Часовщик.

Уезжая из Питера, а точнее отплывая, Капитан, с которым я проработал добрые лет пять в порту, подарил мне небольшой катер из своего личного мини-флота. На нем я смог перевезти часть картин и вещей Агаты. Я не знаю зачем, но в тот момент я еще не был готов оборвать некую памятную связь, а времени на размышления не было. Капитан, был единственным, с кем я мог поговорить о необычных вещах и событиях той ночи. Он старый моряк повидавший всякого и практически ничему не удивлялся. Он дал мне «наводку» на своего старого приятеля. Наводку, так как не знал точного адреса и контактов. Капитан сказал, что тот старьевщик и археолог: «Такой же любитель копаться в прошлом, как и ты». Они не виделись примерно пятнадцать лет, но Кэп

попросил: «Если найдешь эту старую саперную лопатку, то передай ему, что я драл двух его жен. Но Мария, была святой дырявая твоя голова. Он поймет». Кэп закурил трубку, в бородатой улыбке обнажая золотой зуб и добавил, что наверняка он сможет помочь мне с камнем.

Камень.

Больше он ни разу не сиял, как в тот последний день. Возможно, если бы мне удалось его как-то активировать, то его почуяли бы херувимы. Но как его активировать и главное если получится то, что мне потом делать с этой мини-армией на выезд? Я пришел к мысли, что может, стоит как-то оцифровать камень и попробовать воздействовать на его цифровую копию. Во-первых, это безопасно, подыскав *ключ*, можно уже было бы знать, как активировать, а значит выбрать момент и устроить засаду. Во-вторых, это быстрее, можно просчитывать сотни вариантов и ставить совершенно любые опыты. Но это оказалось куда сложнее. Для подобного эксперимента, для установки, которая могла бы работать с его, как оказалось, сложной структурой, нужны были не дешевые материалы и оборудование.

А старьевщик оказался довольно состоятельным коллекционером различных реликвий.

Когда я отыскал его, то решил сначала показать фото и придумать легенду о камне, а потом уже думать по ситуации. В ответ на фразу Капитана, он лишь выронил:

– Хэх, старый лис еще жив?

– Должен признаться, ваши пенсионные свингер тусовки прошлого меня мало интересуют. – я сел в кресло напротив Часовщика и выложил фото на стол.

– И? – Часовщик секунду потупился на фото, – Я что, похож на экстрасенса? Единственное, что я могу сказать с уверенностью молодой человек то, что здесь изображено, с 90% вероятностью находится у вас в кармане. Уж поверьте, вы в этом не оригинальны. И что вы хотите? Если вам нужно подобрать серьги под цвет комплекта, то вам в ближайшую ювелирную. Но вы же здесь не за этим?

Моя история об английском графе подарившим невероятное, драгоценное кольцо моей прабабушки, сохранившееся у бабушки в период войны, но раздавленное под гусеницами танка, и оставленной по наследству моей маме подвеска с единственным сохранившимся камнем, которая была украдена здесь в Париже на одном из раутов, не слишком увлекла мистера Гительмана. И после небольшой паузы он разразился пронзительным смехом.

– Ой, ой. – с трудом отдышавшись, и прихватывая сердце он продолжил. – Это, простите, очень смешно. Гхм, увы, сэр, но вы далеки от образа потомственно аристократа, ваша связь с этим морским пронырой, что вас прислал не добавляет вам очков, а о вашей актерской игре я вообще молчу. Давайте уже на чистоту или больше я вас не задерживаю.

Я достал золотую подвеску с черным агатом. Часовщик принялся разглядывать его под разными углами, надел очки

с линзой кратно увеличивающей фокус объекта.

– Да, если это тот, о чем я думаю..., впрочем, вы бы вряд ли сидели здесь. – тихо шептал Часовщик. – Кошмары вас как, не мучают?

– Ну, в общем то...

– И что вы за него хотите?

– Я его не продаю.

– Да побойтесь черта я бы и не купил. Я еще хочу дотянуть до доброй сотни лет. Конечно, я могу постараться вам подыскать покупателя, если вы конечно...?

– О чем речь?

Понятно, в таком случае вот возьмите.

– Что это?

– Контакты, одного хорошего психолога. Возможно, вам пригодится. Но все зависит от того насколько вы суеверны. – он откинулся на спинку кресла, коричневая, клетчатая жилетка, белая рубашка, пепельно серые немного кудрявые волосы. На обоих, чересчур волосатых руках он носил механические часы, но сверялся всегда по карманным часам-медальону викторианской эпохи.

– Мистер Рубен Ян Гительман.

– А можно просто – Часовщик. Я понял вопрос в ваших глазах, юноша. Есть один занимательный миф. Тысячелетия назад, войско под предводительством некоего Хан Умана, ну в источниках чаще встречается это имя, возвращалось из Индийского похода. Там по преданию они вели дли-

тельную войну с последователями черных культов. Поход завершился успешно и войны вывозили с темных земель многие богатства в качестве награды. Но главное, Хан Уман забрал из проклятых земель камень Черной Богини Кали. Камень тот, некогда источник вечных знаний был осквернен темными ритуалами черных жрецов, он мог открывать доступ к прошлому и будущему, управлять временем и умами людей. Но сколь велики были возможности Черного Камня, столь в нем было и боли, грязи, крови... Поэтому и закрепилось название за ним – Черный.

Где-то северней монгольских степей, по одному из мнений в районе современного Байкала, войско подверглось нападению Дракона, точнее где-то говориться именно о ДРАКОНЕ, как о летающем змее, в других немногочисленных источниках, как о племенном войске на боевых знаменах которых, красовался величественный змей. В пылу того сражения, камень был разбит на части, самый большой кристалл был потерян, а фрагменты поменьше на разных временных этапах всплывали в других легендах. Но как я уже говорил, все зависит от степени вашего воображения и суеверия.

Мифы всегда преувеличивают, но никогда не лгут. Связь камня со временем и пространством, а судя по всему и с умами людей, для меня была очевидной.

Уже уровнем ниже я пролетал над крышами усеянных скелетами антенн и солнечных панелей. Открытые рестораны на цветущих верандах. Группа подростков, перепрыгива-

ющая пропасти между покатых крыш здания. У меня короткой судорогой свело левую ногу.

С Часовщиком мы все же нашли контакт, хоть он и не пролил особого света на камень. Сначала я подкидывал ему блестящие безделушки, за которые он отказывался достойно платить. Зная, что мне нужна солидная сумма, потом он еще не раз предлагал найти покупателя для камня. Но признав свое бессилие в этом вопросе, он разглядел другие мои таланты и связал их со своими потребностями. Он сам стал подкидывать наводки и однажды обмолвился об очень интересном заказе, но потом долгое время его откладывал. И вот вчера он сообщил о том, что звезды сошлись и у него все готово. За этим разговором я к нему и ехал. Так, я и окунулся в культурные слои Парижского черного рынка антиквариата.

Когда я уже выходил со станций позвонил Пирс. Да, Пирс – мой собственный черный алмаз этого самого черного рынка. Местный абориген и старый друг, который помог мне когда-то выжить и адаптироваться к неприветливым улицам совсем другого Парижа. Без горячего капучино и круассан по утрам, города отличного от фотографии с туристических открыток.

Мы не виделись лет десять, но он помог и в этот раз. Примерно первые полгода я пытался начать как-то жить заново и по-новому. С Пирсом мы выкупили старое заведение и решили построить там бар. Это было его локальной мечтой. Крутой, большой, охуенный бар.

Мы решили делать все сами и это вылилось в нескончаемый ремонт. Но как только первая партия алкоголя выстроилась на стройных полках бара, а в зале появились первые столы и стулья – мы открылись. Ну был некий шарм в этом недострое, который привлекал первых забегаев на один-два шота. Днем стройка, вечером стойка. Так и работала эта трудовая терапия, в этот период я спал крепче всего. Чудесно, сладко и без единого сновидения.

Облагораживание бара шло по всем фронтам: сам бар, зал и кухня, нижний этаж Пирса, второй этаж и фасад здания. Второй этаж был большой кладовкой, секретным хранилищем и нашим пристанищем – жили мы здесь же. Когда этот склад мы подразгребли, обустроив его под мастерскую, мне все чаще стали мозолить глаза картины Агаты. Как и другие вещи, я оставил их там. Нет, большую часть я даже не распаковывал, но сам факт их присутствия...

У меня начались периоды бессонницы...

Тогда я уже думал о камне, о способах его *активации*. Да я постоянно об этом думал. Тогда Пирс и познакомил меня с Ионой. Гениальный хакер, как он ее рекламировал и не зря. По ничтожным наводкам Капитана, связям Пирса и цифровому интеллекту Ионы, удалось выйти на Часовщика.

На первых порах, с Пирсом я снова оседлал черную зебру. «Изъятие недооцененностей из невежественных рук» – как я это называл. Мелкая контрабанда, реже угоны, все чаще коктейли. Мы обставляли бар, закупали технику, нанимали

персонал, но пока так и не окупились.

Вроде все шло чередом, но бессонница сменялась навязчивыми кошмарами. Может старый еврей все же не выдумал ту легенду из желания набить цену, но был прав... Визитка психолога у меня, как ни странно, сохранилась и примерно чуть более месяца назад, я все же решил к нему сходить. Регрессивный гипноз, рисунки-кляксы, практики дыхания и прочая ерунда. А чертики сниться продолжали...

Впрочем, я уже у двери, и она открывается.

В особняке Часовщика меня встретила и проводила к кабинету, как всегда Роза. Честно сказать, я до сих пор не знаю, кто она и что здесь делает. Подвижная старушка вечно носилась по здоровому дому, то таская что-то куда-то, то протирая бюсты, то шумя сковородками.

Отворив двери из красного дерева, я вошел в кабинет.

– Боже! – Гительман выплюнул глоток коньяка обратно в стакан. – Никак не привыкну к вашим варварским манерам врываться без стука.

На стенах были развешаны часы различных форм, размеров и эпох. Круглые с извивающимся усатым, морским драконом. Угловатые в форме звезды с надписями на древне-арамейском. Квадратные с кукушкой и маятником. Естественно, песочные с причудливыми сосудами. Все они показывали одно время – половина первого, кроме экземпляров со стрелками, идущими против часовой.

Я сел в уже привычное кресло. Гительман налил новую

рюмку коньяка.

– Завтра вечером в Музее Орсе, точнее под ним, состоится закрытый аукцион. Небольшой бунт, переформирование и немного крови приверженцев старых традиций одной незначительной, но весьма богатой секты, назовем ее так, устраивают распродажу века и день открытых дверей. Естественно, для определенного круга лиц. Где-то в глубине замка есть хранилище, в которых содержится то, что они не продадут ни за какие деньги. Уверен там, много интересного, но главное это кодекс «Arcana Arcanorum» и записи Графа Калиостро. Собственно, их и нужно достать.

– Какой ваш интерес? Что в тех записях?

– Интерес? 250 000 евро по факту и еще столько же после перевода записей, каждому. Да возьмите вашего друга, это дело на троих.

– На троих?

– Да я тоже там буду, но естественно, как гость. Возможно, я смогу помочь вам сориентироваться внутри. Вот в чем план: я войду через соседний дворец Почетного Легиона и спущусь в зал, просканирую помещение, и достану для вас карту здания. А вы через музей, проникните на нижние этажи, пройдете в зал, найдете хранилище, найдете записи и благополучно, по английский уйдете. Я пришлю вам план музея и нижнего комплекса, а когда вы уже окажитесь в аукционном зале, пришлю уже обновленную схему той части, где должно быть хранилище. Остальное ваших рук дело.

– 350 000.

– 250 000. – стоит на этой цифре Гительман.

– 350 000.

– Вы испытываете удачу, мой друг. Хорошо. 300 000

– 350 000.

– Не наглейте.

– Хорошо, 300 000.

Гительман поволновал коньяк покачав бокал в руке и отпил крепкий эликсир риторики.

– 250 000. – вернулся к своему Гительман.

– Нет, 300 000.

– Идет, 300 000. По рукам.

– Так что в записях? У вас приглашение от самих *сектантов*? Вы уже бывали там?

– Только в музее. И вообще эти вопросы не имеют отношения к делу! Знал бы я, что в тех записях мы бы вот это вот все не обсуждали. И еще...

Гительман взял небольшую паузу.

– Если вы, принесете мне еще один кристалл, то я умножаю итоговую сумму вдвое.

– Вдвое? Что за кристалл?

– Я не смогу его описать, но возможно он будет там же. Если вы его увидите, несомненно поймете, что это он. Я только могу дать вам еще один совет – берите все, что можете унести.

– Бери все и не отдавай ничего? – ухмыльнулся я.

– За ваш здоровый сон! – Гительман опустошил рюмку
коньяка.

ХЕР ИЗ БУТЫЛКИ

«Оружию и хмелю пою...»

Рваный блюз купается в шумной болтовне и перезвоне стекла. Раздается гром колокола, наверно в честь героя, осилившего шот чистого Stroh 80 или может в честь Эмми, торжественно разбившей заказ дорогого виски, а может у Пирса просто зачесалась рука, для лишней порции шума повод не важен. Я выхожу в зал, в окутанный медовым полумраком и запахом пряного рома трюм. С экранов телевизоров по углам рассеивается ярко-зеленый свет футбольного поля. Янтарь стекла на столах и пламя ламп над головами гостей. Тритиевый, свет надписей на пивных бочонках, связанных у потолков и колонн, выделяется мягкими, зелеными пятнами. Сокровищница стройных рядов драгоценного зелья разных оттенков и крепостей, укрыта за ограждением длинной стойки и пивными башенными кранами. Отражение пламени подсветок в холодных зеркалах добавлял эффект изобилия скромному, черному дереву бара. Черный саксофон из колонок все настырней борется со смехом и гамом.

– Алан! Ты только посмотри, почти весь зал занят! – встретил меня Пирс. Закатанные рукава белой рубашки, серебряные часы, клетчатая серая жилетка, улыбка в тридцать

два сверкающих алмаза и один бриллиант в ухе.

Кофейный, с корицей оттенок Пирса поглощал яркое разноцветие бутылочек с пьянящими зельями и разбавлял крепкое Американо черной барной стойки.

– Салют Ал.

Том. Еще один бармен. Стройный брюнет, белая рубашка, черный жилет, забитый рукав. Том – актер, и лучшая его роль «Дон Жуан». Каждая юбка, севшая за бар, рискует оказаться вовлеченной в послужной список Тома или Пирса. Не знаю, какой у них счет на данный момент.

– Том, нужно срочно два «Циркуля»... Эй, привет Алан! Элли.

Эл, пышная девчонка с диким нравом, чего не скажешь о ее сестре Эмми. Но их тандем был волшебен. Если одна могла усмирить троих уже разгоряченных и быкующих друг на друга байкеров, то вторая им может продать еще по стейку на брата и бутылку рома в знак дружбы. В общем Эл и Эм – две наши официантки.

В эту пятницу и вправду былолюдно как никогда. Простые местные работяги глотают уже по третьей пинте пенистого. За соседним столиком две пары кибер протезов обнимают по кружке темного стаута и красного эля. Аугментаций от «VVS» – рабочие с Форта?

В дальнем конце стойки воротничок опрокинул в себя очередную стопку виски и стал прикрикивать в телефон:

– Второе сокращение на недели, ты хоть понимаешь!?

Нет... нет, я не пью их таблетки и не собираюсь.

У окон, на диванах сидели смуглые бороды, налегающие на шоты. Вырабатывая электронные паровые облака, они косились на свиные рёбра в ядрёном соусе BBQ за соседним столиком. А там, молодые специалисты отмечали видимо свое начало карьеры и отбытие из этого округа на задворках Парижа в деловые районы типа Дефанс. Абсент, виски, коктейли, пиво – молодые почки все переработают. Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.